
ЧУЖОЙ
СТАНДАРТ
Алиса Морина

Алиса Морина

Ривенхольд #2. Чужой стандарт

«Автор»
2026

Морина А.

Ривенхольд #2. Чужой стандарт / А. Морина — «Автор», 2026

После обрушения Магистрата Ривенхольд выжил. Аделин Вандерхольт осталась с повреждённой рукой и решением, за которое её может осудить столичная комиссия.Комиссия приехала восстановить город. Её клапаны исправны, расчёты верны, но после замены узлов сеть ведёт себя всё хуже: перегретые трубы, ночное отопление наоборот, кварталы без тепла. Пока инженеры ищут саботаж, Аделин ищет причину — и время у города кончается.Илар Дюпре готов её защитить. Но Аделин хочет сама решать, как спасти город. А белый сургуч на столичных пломбах ведёт к тайне, которая пережила Магистрат.

© Морина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три пальца 5
Глава 2. Передача дел 10
Глава 3. Столичная пломба 15
Глава 4. Северная застава 20
Глава 5. Повестка 24
Глава 6. Булавки на карте 28
Глава 7. Печать на двери 33
Глава 8. Раскоп 37
Глава 9. Ночью наоборот 42
Глава 10. Версия саботажа 47
Глава 11. Ваше Высочество 52
Глава 12. Чёрный конденсат 57
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Алиса Морина
Ривенхольд #2. Чужой стандарт

Глава 1. Три пальца

Термометр я прижимала к верхнему узлу левой рукой, стоя на табурете. Табурет пережил погром, но одна ножка у него была короче, и я качалась вместе с ним, пока ртуть не встала.

Встала на сорока одном.

Как вчера. Я слезла, положила тетрадь на уцелевший край верстака, придавила её локтем правой и записала левой: «41. Провал на 4-м такте». Четвёрка завалилась на бок, единица вышла похожей на запятую.

Под подошвами шёл такт дома: три толчка подряд, на четвёртом провал. Перемычка держала и сегодня. Первая тетрадь стояла на полке у лестницы в подвал, исписанная до корки. У второй уже загибались углы. Я положила её рядом, а сверху карманные часы с трещиной через циферблат. Стрелки показывали семь.

В дверь постучали.

Дверь я сколачивала сама, одной левой, и она садилась на середине хода. Я упёрлась в неё плечом и дотолкала до конца. В щель сначала пролез латунный бок, потом мальчишка из шестого дома.

— Мамка велела. — Он сунул мне фильтр прямо в живот. — Сказала, вы можете. Раньше тут могли.

Отстойник был тяжёлый, зелёный от окиси. Я взяла его левой и повернула к окну. Сетку внутри забило рыжей кашей до самой горловины. Резьба на горловине была сорвана: витки слизаны на треть окружности, латунь налипла на гребни и замялась в одну сторону.

Крышку на такое уже не посадишь: первый удар в трубе её выплюнет вместе с сеткой.

— Кто его до меня смотрел?

— Дядька с Литейной. Он ключом крутил. Во. — Мальчишка показал обеими руками, как крутил дядька, и чуть не смахнул с верстака банку с винтами.

— Двор третий день за водой к колонке ходит, — сказал он. — А там очередь до угла. Вы к обеду сделаете?

— Сделаю.

Раньше я прогоняла такую резьбу, пока грелся чайник.

Тисочная лапа лежала под верстаком, двумя половинами. Зажимать мне теперь было нечем, кроме струбцины из кармана фартука. Я накинула её на край столешницы, проложила губки обрезками кожи, чтобы не смять латунь, и зажала отстойник горловиной вверх. Барашек довернула левой до скрипа.

Метчик на полдюйма, вороток. Правую кисть я подвела к горловине снизу, от пояса. Выше она не поднималась.

Большой держит метчик за хвостовик. Указательный ведёт. Средний подпирает сбоку. Мизинец висит, безымянный слушается, но тянется за ним и в хват не идёт. Замок на струбцине.

Под гипсом было мокро от пота, и чесалось как раз там, где спица уходила в кожу.

Я повернула вороток левой. Метчик взял первый виток. Второй.

На втором обороте налипшая латунь схватила его за гребни и потянула вбок. Я велела указательному держать. Указательный держал, только через полсекунды. За эти полсекунды ручка воротка ушла на палец ниже края столешницы, и резьба легла косо.

Я выругалась сквозь зубы, тихо, для детских ушей.

— Давайте я подержу. — Мальчишка уже тянул руки к метчику.

— Руки убрал. Корпус подержишь, когда скажу.

Метчик я вывернула назад, по четверти оборота. Косой заход надо было уводить на целую часть резьбы, и целая смотрела в стену. Я ослабила барашек.

— Бери. Двумя руками, через тряпку, он скользкий. Поворачивай на меня. На четверть. Стоп.

Он сопел. Я затянула струбцину снова. Круглое в плоских губках всё равно подавалось под нажимом, кожа поскрипывала.

— Теперь не отпускай. Пока не скажу.

— А долго?

— Сколько надо.

Он переступил с ноги на ногу и посмотрел на дверь. По тупику к Стим-авеню пробежали трое, один на бегу крикнул про вокзал.

Я завела метчик второй раз. Первый виток. Второй лёг как надо. На третьем метчик захрустел налипшей стружкой, я сдала назад на полоборота, чтобы её обломить, и повела дальше. Четвёртый.

С вокзала пришёл гудок.

Длинный, на одной ноте, и уцелевшее стекло в верхней раме отозвалось ему мелкой дрожью.

Мальчишка дёрнулся к двери. Руки у него разжались сами.

Корпус провернулся в губках на палец. Метчик, зажатый в латуни, повело вместе с ним, и он хрустнул коротко, как стекло под каблуком.

В руке у меня остался вороток с хвостовиком. Обломок сидел в горловине вровень с краем и блестел сломом.

Я положила вороток на верстак. Медленно, чтобы не швырнуть.

— Это ж поезд, — сказал мальчишка. — Это ж они приехали.

— Слышу.

Я взяла кернер и упёрла его жалом в канавку обломка. Молоток пришлось дать правой: большой, указательный и средний сошлись на рукоятке, и молоток в них болтался, как ложка в пустой кружке. Бить получалось только от запястья.

Тук. Обломок сидел. Тук. Тук. На седьмом ударе он провернулся назад на волос.

Латунь уступчивая, на ней всё моё везение и держалось.

Через четверть часа обломок вышел. Я поймала его ладонью, пока он не укатился в щель между половицами, и сунула в карман куртки, к мыши и зажигалке.

Гребни в горловине были теперь изжёваны начисто. Полудюймовой резьбе там жить было негде. Я достала метчик на пять восьмых.

Под корпус я забила деревянный клин от разбитого стеллажа, чтобы круглое больше не вертелось, и прогнала пять восьмых сама. Шло тяжело, с остановками, и на последних витках вороток опять ушёл вбок на толщину ногтя. Я его не догнала.

Крышку на пять восьмых, от такого же отстойника, я нашла в тёткином ящике с латунным ломом. Сетку я вырезала из своего запаса, мелкую, столичную.

Крышка села с перекосом. С одного бока на просвет была видна щель. Я вывернула её, намотала на резьбу пеньку и завернула снова. Щель пропала.

Часы показывали половину девятого.

— Держи. Первые два ведра через него вылей, там латунная пыль.

Он схватил отстойник обеими руками, прижал к груди и протиснулся в щель. Я толкнула дверь за ним плечом.

Тупик был пустой, только у колонки курили двое солдат Рэя, и мимо них к Стим-авеню, мимо своего двора, бежал мальчишка с фильтром под мышкой.

За спиной, в углу, щёлкнуло дважды.

Я обернулась.

Бернард лежал там же, где я его оставила с вечера: в углу, под вырванными креплениями, на подстеленном брезенте. Правый штифт торчал из стены с куском кирпича, левый срезан заподлицо. Корпус смят гармошкой, вместо правой гусеницы голые катки. Он опирался на единственную клешню, и окуляры тлели оранжевым в стену.

Те два щелчка я не записала: руки были в латуни. Я сходила к полке за часами и тетрадью.

Латунная пыль въелась мне в линии ладони. Отмывать я не стала: у Бернарда всё равно масло.

Брезент на культе манипулятора размок. Из оборванной линии гидравлики сочилось, ткань потемнела и отвисла вместе с проволокой. Я упёрла одну ручку кусачек в колено, на другую навалилась левой, перекусила скрутку и стянула брезент. Под ним торчали обрывки проводов и медная трубка с расплющенным концом. На конце набухала капля, долго, и падала на половицу.

Новый кусок я отрезала от старого чехла, намотала на культю и прижала локтем правой. Проволоку вела левой, виток за витком. Скрутка вышла кривая. Я подёргала её: держала.

Манометр гидравлики у него на боку стоял на четверти шкалы. Я постучала по стеклу ногтем. Стрелка дрогнула и вернулась на четверть.

Выше она не пойдёт, пока линия дырявая. А линия будет дырявая долго.

Я стукнула костяшкой по помятому боку. Внутри отозвалось глухо, компрессор работал.

Потом я села на пол рядом с его гусеницей, положила часы на колено, тетрадь на другое и прижала левую ладонь к доскам.

Такт дома пришёл сразу, доски были тёплые. Я сидела и слушала, как с медной трубки падают капли. Одна упала мне на рукав, и я её не стёрла.

Внутри у Бернарда щёлкнуло два раза подряд.

Привод подтверждения. Приём команды.

В мастерской никого не было. Я ничего не говорила. Я подняла часы: без четверти десять. Записала левой, криво: «9.45 — два щелчка».

— Бернард, — сказала я. — Повернись ко мне.

Шея у него ходила градусов на десять. Этих десяти окуляру хватило бы, чтобы найти меня.

Корпус не двинулся. Окуляры не мигнули.

Я встала на колени, постучала ладонью по его плечу и сказала громче:

— Бернард. Ко мне.

Он смотрел в стену. Под ладонью у меня гудел дом, своим тактом, и мой голос в этот такт не попадал.

На улице было тихо, только далеко, со стороны вокзала, шипел выпущенный пар, долго, с присвистом. Мне хотелось встать и пойти вымыть руки.

Бернард щёлкнул дважды.

Он упёр клешню в пол, скрипнул шарниром и вдавил единственную гусеницу в доски, так что под траками хрустнуло дерево. Корпус осел на упор и замер.

Я успела положить ладонь на пол.

Через секунду пол дёрнулся. Толчок пришёл снизу, из-под фундамента, один, и банка с винтами на верстаке звякнула крышкой. Стрелка манометра на стене у прилавка подпрыгнула на полделения и медленно сползла обратно.

Такт после толчка пошёл прежний, с провалом на четвёртом.

Я подняла часы. Десять часов одиннадцать минут. Записала рядом с первой строкой: «10.11 — два щелчка, упор. 10.11 — толчок снизу». Цифры у меня налезли одна на другую.

Если он упрётся снова, я положу ладонь на пол заранее и посмотрю, тряхнёт ли через секунду.

Потом я дотянулась до кладки за его спиной. Кирпич был тёплый, теплее, чем утром.

Я надавила ладонью на сустав, и он подался сразу, легко. Клешня разжалась, корпус качнулся и снова сел на брезент.

Он опять смотрел в стену.

Я сунула тетрадь и часы в карман куртки, сняла фартук и повесила на гвоздь.

— Я на площадь, — сказала я в угол. — Сторожи.

Он не щёлкнул.

Входная дверь не запиралась. Я дотянула её снаружи за скобу до середины хода и примотала скобу проволокой к гвоздю в косяке.

У колонки на углу кто-то бросил ведро, полное, и вода в нём подрагивала в такт дома. Вся улица ушла к вокзалу.

Перевязь я застёгивала у колонки, одной рукой, и пряжка дважды упала на мостовую.

На Стим-авеню пахло кашей и мазутом. К раздаче на ближней площади стояла очередь, и хвост её выходил на проспект: женщины с кастрюлями, двое детей с одной миской на двоих. Раздатчик черпал половником по краю, не доливая, и каждый, отходя, заглядывал в чужую посуду.

Над заводскими трубами на горизонте стоял пар. Восемь столбов, как на прошлой неделе.

Старая Скверна по цоколям за эту неделю высохла. Она лежала на камне матовой чёрной плёнкой, до высоты колена, и нигде не поднималась выше. Я поскребла её ногтем левой. Плёнка раскрошилась в пыль и пахла пережжённым сахаром. Эта уже не растёт. Эта только осыплется.

Две недели назад я вставила регулятор в Сердце под Магистратом, и Магистрат лёг. С тех пор город жил на армейском пайке и приказах Илара. Инженеров он попросил у Столицы сам. С инженерами ехала комиссия. Неделю назад, на крыше, Илар показал мне депешу: комиссия едет установить, кто обрушил Магистрат. Далеко ходить ей не придётся.

Чем ближе к вокзалу, тем гуще шли люди. У моста меня притёрли к перилам, перевязь съехала, и спицы стукнули о чугун. Я притянула правую к себе и дальше шла боком, левым плечом вперёд.

На площади пахло иначе.

Свежей краской, струганой сосной и новым железом. Серы не было совсем.

У дальней платформы паровой кран снимал с открытых вагонов эшелона ящики и ставил на брусчатку рядами. Доски светлые, на каждом ящике чёрный трафарет. «Клапан предохранительный». «Труба, секция». «Измеритель давления». На шнуре каждого ящика сидела белая пломба.

Белый сургуч я видела трижды: на пакете столичной поверки, на тёткиных письмах и на щупе в Казначействе.

Ближний ряд стоял у самого оцепления. Между двумя досками одного ящика осталась щель в палец шириной, и в щели блестело стекло. Я поднырнула под руку какого-то возчика, присела у ящика и прижалась к щели глазом.

Манометр. Новый, в стружке. Стекло без единой царапины, шкала до шестисот, цена деления пять, стрелка тонкая, как волос. Под шкалой клеймо завода и номер поверки.

В Ривенхольде я работала по манометрам, у которых стрелка заедала, а стекло держалось на замазке. Палец в щель пролезал. До ободка оставалось с полпальца.

Лезть к ящику при оцеплении было глупо. Я потянулась к доске. Чужая рука в перчатке перехватила мою за запястье и отвела от ящика раньше, чем я коснулась доски.

— Руки от груза, гражданка.

Солдат корпуса, в новой шинели. Пальцы у него сошлись на моём запястье с запасом.

— Я шкалу читаю.

— Читайте с тротуара.

— С тротуара у вас шестьсот и цена деления пять. Это я уже прочла. — Я высвободила руку. — Если бы я пришла за вашими клапанами, я бы взяла что-нибудь полегче. Этот на пуд, а у меня рука одна, и та занята.

Солдат посмотрел на перевязь, на спицы, торчащие из марли, и лицо у него стало кислое.

— Отойдите от ящиков.

Я отошла.

Против вокзала стояла трибуна из тех же свежих досок, под ней вдоль каната стояло оцепление. Глашатай с рупором вышел к перилам, откашлялся в рупор, и площадь притихла.

— Советник Имперского управления магистралей Ирэна Лангфорд, председатель государственной комиссии!

Невысокая женщина в дорожном пальто кивнула площади.

— Инженер-полковник Бруно Хоффман, командир инженерного корпуса!

Широкий, в шинели нараспашку. Он смотрел мимо толпы, на ящики и кран.

— Уполномоченный Директората инфраструктурной безопасности при комиссии Габриэль Сейл!

Этот поклонился, неглубоко.

Илар стоял с краю, рядом с Лангфорд. Китель, левый рукав заправлен за ремень. Спина прямая, подбородок поднят, и по нему нельзя было сказать, что под кителем у него шов.

— Ваше Высочество, — глашатай повернулся к нему с рупором, и два слова разошлись по всей площади.

Толпа качнулась к трибуне, и меня понесло, пока грудью я не упёрлась в канат. Отсюда, снизу, я видела подмётки сапог Илара и край его кителя.

Вдоль каната шёл солдат гарнизона с планшетом и записывал стоящих. Шинель прожжённая, здешняя.

— Фамилия?

— Вандерхольт.

Карандаш остановился.

— Вандерхольт? — Он сказал это громко, на половину площади. — Та самая?

Головы вокруг начали поворачиваться ко мне. Одна, другая, дальше по рядам, как стрелки на щите, когда по сети идёт волна. Женщина рядом со мной отодвинулась на полшага. Сзади кто-то сказал «лавка».

Я подняла глаза на трибуну.

Голова Илара не повернулась. Он слушал Лангфорд, наклонившись к ней на палец. Потом передал ей папку, кивнул Хоффману и пошёл к дальней лестнице. Сапоги простучали по ступеням вниз, раз, другой, и я перестала их слышать.

Солдат дописал мою фамилию и пошёл дальше вдоль каната.

Я отступила от каната на шаг. Сама. Тетрадь в кармане стукнула меня по бедру.

Потом развернулась и пошла против толпы. Люди расступались передо мной быстрее, чем по дороге сюда.

Такое я уже видела. При чужих он и раньше говорил мимо меня, будто диктовал в протокол.

Сегодня этот протокол слушала вся площадь.

Глава 2. Передача дел

Полковник Красс снимал с карты красные фишки и бросал их в жестяную коробку из-под патронов. Каждая стукала о дно отдельно.

Я стоял у торца стола и считал. Двадцать шесть. Двадцать шесть мест, куда я за тринадцать суток посылал людей с этого стола.

Магистрат лёг грудой вместе со своим зданием за двое суток до того, как я встал к этому столу, и власти в городе, кроме Гвардии и моего слова наследника, не осталось. Инженеров я просил у Столицы сам. Комиссию Столица прислала в придачу. Сегодня я отдавал ей город.

Зелёные он оставил на местах.

Фуражку Красс положил на край столешницы тульёй вниз, шинель застегнул до горла. Гарнизон у него стоял в казармах за рекой, и туда он хотел к ужину.

— Сдаточная ведомость, — сказал он и взял лист. — Патрули — по сменному графику, приложение один. Склады Казначейства вскрыты, выдача по норме, урезанной на четверть. Кухни на четырёх площадях. При каждой из одиннадцати управ по взводу, картотеки изъяты и опечатаны, приложение два.

Он читал быстро и глотал окончания.

Хоффман подошёл к карте последним. Шинель нараспашку, как на трибуне, и от сукна тянуло угольным дымом эшелона. На город он смотреть не стал. Наклонился к нижнему углу, где у Красса была наклеена легенда, и прочёл её всю, от красной фишки до чёрной, водя пальцем по условным знакам. Только потом выпрямился и оглядел сектора.

Лангфорд стояла в расстёгнутом дорожном пальто напротив меня через стол с копией ведомости, и карандаш у неё шёл по строкам на полстроки впереди голоса Красса.

Сейл сидел у стены на стуле, папка на колене, и писал. Поднимал глаза на каждую фишку, которая падала в коробку, и опускал их обратно на лист. Писал он дольше, чем Красс говорил.

— Теплотрассы, — сказал Красс. — Прорывов на старых трассах шесть. Устранены.

— Девять, — сказал я.

Красс поднял глаза от листа.

— Шесть заварено, Ваше Высочество. Три взяты хомутами, их вели отдельно, как работу в ходе.

— Где отдельно?

Он перевернул лист, потом второй. Прочёл приложения до конца и вернул их на место. Хомутов в приложениях не было.

Все девять я тринадцать суток назад накрывал пальцем на этой карте, одну за другой. Все сидели на трассах довоенной прокладки.

Я взял у него ведомость и положил на карту. Лист поехал по гладкому картону, и я придавил угол коробкой с красными фишками. Макнул перо в чернильницу Красса и зачеркнул «шесть» одной чертой, так, чтобы прежнее читалось. Сверху вписал: «девять, из них три на хомутах, давление на них не поднимать». Поставил инициалы.

Наклоняться было хуже, чем писать. На вдохе под рёбрами слева упёрлось, как упиралось все эти дни, и последнее слово я дописал на выдохе.

— Где хомуты? — спросил Хоффман.

Я показал. Три отметки, все на одной ветке, вниз по склону от четвёртого сектора.

Хоффман достал из кармана шинели огрызок синего карандаша и обвёл их на своей копии. Потом послюнил палец, стёр одну обводку и обвёл заново, пошире.

— Довоенный фланец под хомутом, — сказал он. — До первого полного давления.

— До первого, — сказал я.

Красс надел фуражку и снял её снова. Коробку с фишками я ему не отдал, пока он не подписал исправление рядом с моими инициалами.

Лангфорд перевернула свою копию.

— Распределение, — сказала она. — Гражданское управление городом, склады Казначейства, кухни и управы переходят к комиссии с сегодняшнего дня. Имперская Гвардия и гарнизон полковника Красса остаются под командующим. Магистральная сеть и её узлы — за инженерным корпусом.

Хоффман кивнул карте.

Лангфорд отчеркнула прочитанное ногтем и перешла к следующей строке.

— Лавка в Тупике Медных Игл вносится в перечень стратегических объектов как узел магистральной сети. Охрану объекта несёт комиссия.

Сейл перевернул страницу у себя на колене.

Днём на площади солдат с планшетом прокричал фамилию Аделин так, что слышала трибуна. Я головы не повернул.

Я положил перо.

— У объекта стоит взвод капитана Рэя, — сказал я. — С того дня, как лавку вскрыли. Прошу оставить его при объекте. В подчинении комиссии, если так нужно по мандату.

Лангфорд ответила, не заглядывая в копию.

— Нет, Ваше Высочество. Стратегический объект комиссия охраняет своими людьми, так записано в мандате.

Она загнула палец на руке, в которой держала копию.

— Взвод стоит у объекта по вашему устному приказу. Акта нет. В ведомости полковника Красса его тоже нет.

Красс заглянул в ведомость ещё раз.

Лангфорд загнула второй палец.

— По этому объекту вы сторона: в протоколе досмотра стоит ваша подпись. Взвод снимается с Тупика завтра с утра, пост комиссии заступает на его место.

Голос у неё был тот же, каким она читала про кухни.

— Принято, — сказал я.

Лангфорд достала из папки акт передачи и положила передо мной. Два листа, скреплённых в углу. Подпись Красса там уже стояла, подписи комиссии тоже.

Лист лёг на карту углом на реку. Я прижал его локтем левой руки, прямо бандажом, и пряжка ремня врезалась в бок. Правой обмакнул перо.

Илар Дюпре. Командующий.

Перо я оставил на карте поверх зелёной фишки четвёртого сектора. Лангфорд взяла акт двумя пальцами за угол, подула на подпись и убрала лист в папку.

Зал пустел по частям. Красс ушёл первым, с фуражкой в руке, и надел её уже в дверях. Хоффман унёс свою копию карты свёрнутой в трубку и по дороге задел ею косяк. Лангфорд ушла с ним, на ходу застёгивая пальто.

Телеграфисты за дальними столами сдавали смену. Кто-то двигал стулья.

Я собирал со стола свои бумаги одной рукой и складывал стопкой.

— Ваше Высочество. Минуту, если позволите. Наедине.

Сейл стоял у окна, с папкой под мышкой. Он показал ладонью на угол стола, ближний к окну, где карта кончалась и начиналось голое дерево.

Я подошёл. Из окна тянуло холодом, стекло в раме было старое, с пузырями.

Сейл положил на край стола два письма, рядом, подровнял их по кромке и отступил на шаг.

— Столица пишет комиссии о вас дважды, — сказал он. — Мне нужно вписать командующего в акты. Я не хотел бы разойтись со Столицей в титуле.

Я взял верхнее. Бумага плотная, штабная. «Комиссии надлежит принять город у Его Высочества наследника, командующего Имперской Гвардией в Ривенхольде». Подпись секретаря Имперского Штаба. Штаб ответил на депешу, которую я подписал, и ответил моими же словами.

Отложил. Взял второе.

«Затребовать у бывшего Старшего Смотрителя четвёртого сектора Дюпре отчёт о телеметрии сектора за пять лет». Подпись за Директорат инфраструктурной безопасности, росчерк длинный, с петлёй.

Даты стояли одни и те же.

— Пишут по-разному, — сказал я.

— Первое от Штаба, Ваше Высочество. Второе от Директората. Директорат при комиссии представляю я.

— Вижу.

Сейл кивнул. Он взял оба письма, сложил одно на другое и открыл папку.

— Чтобы между нами не оставалось неясности, — сказал он, укладывая письма. — Код уничтожения, подтверждённый на мостике, никто не отзывал. Директорат считает его в силе до разъяснения.

За спиной у меня уронили стул. Телеграфист извинился в пустой зал.

Я знал это и без него. На мостике по этому коду столичная гвардия назвала меня изменником Империи и навела на меня деструкторы. Столице хватило восьми часов, чтобы подтвердить приказ, пока я шёл по коллектору. На отзыв за две недели времени у неё не нашлось.

— Кто разъясняет?

— Столица, Ваше Высочество. Когда разъяснение придёт, вы узнаете о нём первым.

— Благодарю.

Вдох упёрся под рёбра на половине. Дальше я говорил на том, что было.

Сейл достал из папки ещё лист. Бланк комиссии, отпечатанный, графы по линейке. Он подвинул его ко мне и прижал пальцем одну строку.

«Звание и статус командующего».

Он протянул мне своё перо, стальное, казённое. Я взял со стола свою ручку.

На колпачке у неё ястреб. Неделю назад, на крыше лавки, я сказал, что меня они не тронут, потому что у меня герб.

Я снял колпачок зубами и поставил его на подоконник ястребом вниз.

Лист на гладком дереве поехал сразу. Я придавил край бандажом и вписал в графу: «Наследник Империи. Командующий Имперской Гвардией». Буквы вышли мельче моих обычных.

— И подпись под графой, если можно, — сказал Сейл. — Для порядка.

Я расписался так же, как под депешей в Штаб.

Илар Дюпре. Наследник.

Сейл достал промокашку, приложил её к подписи и прокатал ребром ладони. Поднял, посмотрел на неё на свет. Потом взял опросный лист за края и вложил его в папку между двумя письмами. Штабное сверху, директоратское снизу, моя подпись посередине.

— Благодарю вас, Ваше Высочество. Это всё, что мне было нужно.

Он застегнул папку на две пуговицы, сначала нижнюю. Поклонился неглубоко, как на трибуне.

— Ваше Высочество.

Штатские ботинки простучали по коридору и затихли раньше, чем он дошёл до лестницы.

Я стоял у окна. Ручка была у меня в руке без колпачка, и на пальце осталось синее пятно.

— Дежурный, — сказал я в зал. — Капитана Рэя ко мне в кабинет.

Рэй пришёл в девятом часу. По сапогам было видно, что до Тупика и обратно он ходил сам.

Он положил на стол три папки, одну на другую.

— Сводки трёх застав по вашему приказу, Ваше Высочество. Задержанные за десять дней с закрытия ворот. Опись морга по неопознанным. Список карантина.

Приказ я подписал тринадцать дней назад. Заставы с тех пор стояли в двойных нарядах, и писарям было не до сводок.

— Садись.

Он сел на край дивана, фуражку пристроил на колено. Воротник у него был расстёгнут на один крючок. Я промолчал.

В кабинете пахло сургучом и остывшей печкой. Лампа на столе коптила с одного края.

Стол у меня был узкий. Заставы я разложил на нём, в три стопки, по воротам. Морг пошёл на диван рядом с Рэем, и Рэй отодвинулся к подлокотнику. Карантин лёг на сиденье стула.

Фамилию сменить можно за один вечер. Рост, возраст, руки и выговор меняются хуже, и искать надо по ним.

Я начал с морга.

Опись вёл фельдшер, почерком, который к концу каждой страницы съезжал вниз. Номер, где подобран, пол, возраст на глаз, рост на глаз, особые приметы. Мужчин за пятьдесят среди неопознанных было семеро. Я читал каждого до конца. Двое обгоревших, подобранных у суконной мануфактуры. Один утонувший в коллекторе, рост ниже моего на голову. Один с татуировкой речника на предплечье. Трое без особых примет лежали в одном цехе на доках, в робах, под одной балкой.

Руки фельдшер описывал только тогда, когда на них чего-то не хватало.

Человек, который учил меня стрелять, поправлял мне локоть двумя пальцами, молча, и ждал, пока я выдохну.

Я закрыл опись и оставил её на подлокотнике.

Карантин был короче. Список по баракам, фамилия, возраст, откуда. Столичных в нём не было вовсе. Люди из четвёртого сектора, с доков, с Литейной. Возраст стоял у всех, выговора не стояло ни у кого. Выговор пишут только на заставе, когда человек говорит, откуда идёт.

Я перевернул последний лист и вернул список на стул.

Рэй сидел, опустив голову, и смотрел, как у него на колене лежит фуражка. Один раз глаза у него закрылись, и он открыл их сам. Я ждал, что он спросит, кого я ищу. Он не спросил.

Заставы.

Южная и восточная сводки шли по спискам: фамилия, откуда, куда, причина задержания, кем отпущен. Отставной фельдфебель с поддельным пропуском. Двое грузчиков, которые лезли через решётку водостока. Женщина с ребёнком, отпущенная к утру. Выговор писарь восточной ставил тем, кого задерживал: «говорит по-столичному», «говорит по-южному». Столичных за десять дней там было трое. Двоим было под тридцать. Третьему было семьдесят четыре, и отпустили его к дочери под расписку. Северная давала своих задержанных списком в самом конце, одиннадцать фамилий, и того, кого я искал, среди них тоже не было.

Я отложил и их.

Потом взял северную ещё раз, с первой страницы. До списка она была устроена иначе. Её писарь шёл по ночам, строкой на ночь: смена заступила, смена сдала, задержано столько-то. Там, где никого не задерживали, так и писал: «Задержанных нет», и ставил подпись начальника смены. Почерк был с нажимом, на всех страницах одинаковый.

Я повёл пальцем по строкам сверху вниз.

Строки шли одна под другой, без пропусков. Ночь, когда рухнул Магистрат: задержано четверо, все отпущены утром по спискам Гвардии. Вечерняя смена следующего дня заступила, подпись. Утренняя смена сдала пост, подпись.

Палец у меня остановился между ними.

Ночной строки там не было. Под вечерней сменой сразу стояла утренняя.

Я перелистал сводку до конца. Все остальные ночи стояли на месте, каждая своей строкой.

— Рэй.

Он поднялся с дивана сразу, фуражка упала на пол.

— Здесь. Ночь после обрушения. Почему нет строки?

Рэй наклонился над столом и прочёл то место, куда я держал палец. Прочёл ещё раз, шевеля губами.

— Не знаю, Ваше Высочество. Сводку переписывал писарь заставы, с поста журнала не выдают. Мне её отдали готовой.

— Журнал где?

— На посту. На северной.

Я взял со стола карандаш и обвёл пустое место между вечерней строкой и утренней, два раза, пока линия не легла жирно.

Северную сводку я сложил пополам и положил на сейф, отдельно от остальных двух.

Рэй поднял фуражку с пола и стоял, держа её в руке.

— Машину к половине шестого, — сказал я.

Глава 3. Столичная пломба

К шести в мастерской стемнело, и лампу я зажгла от зажигалки Илара, со второго раза. Вечерний замер вышел тот же, сорок один. Я вписала его в тетрадь под утренний и поставила её на полку у лестницы в подвал, к первой.

В Тупик въехала машина и встала у моей двери. Свет фар пролез в щели между досками и лёг на пол полосами.

В щель мне было видно колонку. У неё стояли двое солдат Рэя в прожжённых шинелях, а на шаг ближе к моей двери — третий, в шинели корпуса, с винтовкой у ноги.

Дверь толкнули снаружи. Она проехала до середины и села. Толкнули ещё раз, вежливо, и она не двинулась.

— Сейчас, — сказала я и упёрлась в неё плечом.

Первой вошла Лангфорд, боком, не задев косяка. Дорожное пальто застёгнуто, в руке фонарь, под мышкой блокнот в клеёнке. За ней секретарь с рулеткой, потом Сейл с саквояжем и техник корпуса с деревянным ящиком. Эти двое остались у прилавка.

— Добрый вечер, — сказала Лангфорд мастерской. — Длина помещения.

Секретарь присел у порога и зацепил крючок рулетки за доску. Лента с треском поползла через мастерскую, мимо моих ботинок. Я отступила.

— Одиннадцать шестьдесят, госпожа советник.

Лангфорд записала.

У верстака она остановилась, тронула винт струбцины пальцем в перчатке, заглянула под верстак, где лежали половины тисочной лапы, и пошла в угол.

Бернард лежал на брезенте, лицом к стене. Она посветила ему в окуляры. Окуляры тлели оранжевым и за светом не повернулись.

— Голем, повреждён, на учёт.

Секретарь приложил рулетку к корпусу, от катков до макушки, и задел брезент на культе. Я натянула брезент обратно и прижала проволоку пальцем, пока он записывал цифру.

— Там задняя комната, — сказала я. — Через неё идёт обратка.

Я обогнала Лангфорд, открыла дверь и держала левой, пока она светила на трубу под потолком.

Выходя, Лангфорд сказала «спасибо» двери, которую я держала.

У задней стены, возле лестницы в подвал, она остановилась сама. Каркас на этой стене шёл низко: медная полоса по кладке на высоте пояса, у лестницы она ныряла в пол. Выше лежал голый кирпич.

Лангфорд поставила фонарь на пол. Стянула перчатку, зажала её под мышкой вместе с блокнотом и положила ладонь на кирпич, на уровне своего лица. Всей плоскостью, пальцы врозь.

Я клала ладонь на эту стену каждое утро, прежде чем лезть с термометром на табурет. Пальцы врозь, как у неё.

Лангфорд переложила руку выше на ладонь, подержала там и сняла. Достала блокнот и записала две строки.

Медь греет кирпич до пояса. Там, где стояла её рука, меди нет. Кирпич там я мерила утром и в полдень, и оба раза он был тёплый.

— Вы и подпись со стены возьмите, — сказала я и стукнула костяшкой по кирпичу, где только что лежала её рука. — Раз она у вас тут за хозяйку.

Лангфорд дописала строку и натянула перчатку, палец за пальцем.

Глупо. Я поставила лампу на верхнюю ступеньку и начала сама.

— Контур фундамента замкнут на арматуру, кабель посажен на угольник стяжным болтом. Держит одиннадцатый день. Каркас греется от контура, на верхнем узле сорок один. Такт — три толчка и провал на четвёртом, это перемычка. Выше меди кирпич тоже греется. Откуда, пишу во второй тетради.

Лангфорд слушала и смотрела на стену. Карандаш у неё стоял на бумаге и не двигался. Когда я кончила, она повернулась ко мне.

— Благодарю вас. — Потом секретарю: — Запишите. Контур фундамента, кабель на временном креплении, температура каркаса сорок один. Со слов проживающей.

Перо у секретаря скрипело долго. «Проживающей» — слово длинное.

Столичный диплом с отличием, первая категория. Проживающая.

Я взяла лампу со ступеньки за дужку. Лангфорд подняла свой фонарь и посветила вниз, в подвал. Внизу блеснула вода.

— Узел магистральной сети, — сказала она секретарю. — Перечень стратегических объектов, номер позиции уточните в штабе. Охрана — пост комиссии.

Лампа у меня в руке качнулась, и тень от перил съехала по стене вниз.

Лангфорд обернулась к прилавку.

— Господин Сейл, счётчик ваш.

И отступила от лестницы к стене, освобождая проход.

Сейл поднял саквояж. Он прошёл мимо меня, близко, сказал «позвольте», и от него пахнуло спиртом.

Я пошла вниз третьей, держась левой за стену.

Внизу пахло илом и мокрым свинцом. У пустого постамента вода стояла по щиколотку, чёрная, и из неё высовывался барашек стяжного болта, кривой, облепленный илом.

Сейл остановился на последней сухой ступеньке и посветил на барашек, потом на кабель над ним.

— Самодельное соединение, — сказал он. — Отметьте.

Техник поставил ящик и записал в книжку, лизнув карандаш.

Счётчик висел справа от лестницы, на уровне третьей ступеньки: чугунный корпус, пять барабанов под стеклом, сбоку кран обвода с красным маховиком. Я протёрла стекло рукавом. Ноль, четыре, семь, один. Пятый барабан переползал с двойки на тройку.

Тетради остались наверху, на полке над лестницей. Карандаш был в кармане. Я прижала гипс к боку и написала на нём левой, по белому, поверх старых пятен: «0471 — 2/3». Цифры вышли крупные и поехали вниз по марле.

— Позвольте, госпожа Вандерхольт.

Сейл встал рядом, протёр стекло платком и прочёл вслух, раздельно:

— Ноль. Четыре. Семь. Один. Три.

Пятый барабан за это время встал на тройку целиком. Техник записал.

— Кран обвода закрыть, — сказал Сейл.

Техник взялся за маховик.

— Обвод держит контур, — сказала я.

— Понимаю.

Сейл достал из саквояжа тонкую книжку в серой обложке, открыл на закладке и повернул страницу к моей лампе.

— Пункт девятый. «При опломбировании прибора учёта на стратегическом объекте обводная линия перекрывается, запорная арматура пломбируется совместно с прибором». Прочтите сами, если угодно.

Я прочла. Слово в слово, и пункт отчёркнут на полях карандашом, по линейке.

— Благодарю, — сказал Сейл и закрыл книжку.

Маховик пошёл туго, с писком. На третьем обороте в трубе за стеной зашипело и смолкло. Четвёртый техник довёл до упора и отнял руки.

Сейл сел на вторую ступеньку, достал из саквояжа спиртовку с латунной крышечкой и зажёг. Огонёк встал синий.

Проволоку он продел через головки двух винтов на крышке счётчика, потом через спицу маховика и свёл концы. Скрутил плоскогубцами, три витка, и хвосты откушенной проволоки сложил в спичечный коробок.

Потом развернул вощёную бумагу. Палочка сургуча в ней была белая. Он грел её над спиртовкой, пока кончик не обвис, и сургуч лёг на скрутку густо, в палец толщиной. Одна капля сорвалась с палочки мимо и упала на ступеньку у его ботинка. Сейл посмотрел на неё и оставил.

На печатку он подышал и прижал её к сургучу. Подержал, считая про себя: губы у него шевелились. Отнял.

— Сорвётся пломба — отвечать мне, — сказала я.

Сейл посмотрел на меня поверх печатки.

— Вам, — сказал он.

Гул за стеной ушёл ниже.

Я услышала это ступнями раньше, чем ушами. Толчок, толчок, провал, толчок. Провал пришёл на третьем такте и дальше приходил только там. Дом держал контур, но держал его теперь на другой ноге.

Я положила ладонь на кладку рядом со счётчиком. Кирпич дрожал мельче, чем утром, и чаще.

Сейл дул на пломбу. Техник вытирал руки ветошью. Ни один из них не поднял головы.

Сейл положил на колено лист акта, придавил его саквояжем и стал писать. На слове «проволока» он остановился и пересчитал витки скрутки пальцем.

Потом поднял глаза выше, на полку. Тетради стояли там корешками наружу. Сейл поднялся к ним на несколько ступенек, взял верхнюю и полистал там же, стоя. На странице с утренней записью он задержался. Четвёрка там лежала на боку.

Он поставил тетрадь обратно, корешком к корешку, и спустился к своему акту.

— Рабочие записи оператора, — сказал он, записывая. — Две тетради. Оставлены на месте.

Слово «оператора» он написал без запинки.

Потом накрыл спиртовку крышечкой, и огонёк погас. Сейл сложил акт вчетверо и поднялся по лестнице, техник за ним. Их шаги простучали через мастерскую к двери.

Я стояла на нижней ступеньке, в воде, с ладонью на кладке.

Раскладушка за прилавком стояла на тех же досках, что грели меня всю неделю, и доски под ней теперь толкали с пустым местом на третьем такте. Я лежала одетая и держала ладонь на полу, пока где-то за рекой не пробило полночь. Потом зажгла лампу и пошла вниз.

Нижние ступеньки были мокрые, вода к ночи поднялась на палец. Я поставила лампу на третью ступеньку, рядом со счётчиком, и пломба оказалась у меня перед лицом.

Белый кругляш размером с пуговицу от шинели. По ободу буквы, в середине номер, края оплыли и застыли волной.

«Вам», — сказал Сейл. Хозяина в описи нет, в описи есть проживающая.

Отковыривать я её не стала, хотя хотелось. Поднесла ноготь левого большого к самому краю, туда, где сургуч сходил на нет, и надавила.

Край подался. Ноготь ушёл в него на волос и встал. Ни трещины, ни крошки. Когда я отняла палец, на краю остался мелкий полумесяц и на глазах начал заплывать.

Я вытерла ноготь о штанину.

Капля лежала на второй ступеньке, там, где её оставил Сейл. Белая горошина, сплющенная снизу, с хвостиком. Я поддела её ногтем. Она пристала к дереву и отошла с лёгким щелчком, целиком.

Холодная капля была твёрдая, как галька. Лампу я переставила ниже, на первую ступеньку и взяла каплю тремя пальцами правой.

Большой держит. Указательный держит.

Стекло было горячее. Я подержала каплю над ним, у самого верха, где поднимается жар. Капля заблестела с одного бока.

Я велела пальцам повернуть её другим боком. Указательный пошёл через полсекунды, большой ушёл раньше него, и капля выскользнула. Щёлкнула о ступеньку и ушла в щель у кирпича.

Я выковыряла её ногтем левой, лёжа грудью на ступеньках, и второй раз грела уже на ладони, над самым стеклом, пока ладонь терпела. Потом растёрла сургуч между большим и указательным.

Он потянулся.

Между пальцами встала нить, тонкая, белая, в полпальца длиной. Я развела пальцы шире. Нить истончилась, но держала. Крошек не было.

Серебряный кончик щупа, горячий, из кожуха сферы. На нём белый кусочек, и ноготь у меня под ним.

Пакет столичной поверки на лабораторном столе, белая печать на бечёвке: лаборант снял её целиком, одним куском. Тёткин конверт, тонкий, белая капля на клапане.

Магистратские печати на повестках я ломала ногтем, и они сыпались на стол бурой трухой.

Я растёрла сургуч ещё раз. Нить встала опять, такая же. Такая же была на щупе.

Я поднялась к полке, сняла вторую тетрадь и открыла её с конца. Я придавила тетрадь гипсом и оторвала от последнего листа угол, по сгибу.

Сургуч я положила на середину клочка и завернула в четыре сгиба. Концы закрутила.

Свёрток я опустила во внутренний карман куртки, к зажигалке. Зажигалка была холодная. Пуговицу на кармане я застегнула левой с третьего раза.

Потом задула лампу.

Наверх я шла в темноте, по стене, левой рукой. Раскладушка скрипнула, когда я легла, и больше я не вставала.

Стучали в заднюю дверь, два раза, костяшкой.

Я спала одетая, и встать было делом одной руки: упереться левой в край раскладушки, сесть, спустить ноги. В окне было черно. Засов я отодвинула ладонью.

Илар стоял на пороге без кителя. Шинель без погон, застёгнута на одну руку, левая под ней, на бандаже. От него пахло сургучом и бумагой, как в кабинете, где плохо топят, и немного горелым.

— Разбудил, — сказал он.

— Разбудил. Заходи.

Кухня у меня тесная, медь по стенам, плитка вся в трещинах. Я тронула конфорку, и она заурчала, сразу, без подачи.

Илар взял чайник правой и подставил под кран. Кран я открыла левой. Трубы подумали, плюнули ржавым и пустили воду толчками. Он держал чайник, не качнув, пока я не закрыла.

Банку с кофе я поскребла ложкой по дну. Ложка вынесла серую пыль.

— Тот же, — сказала я.

— Вижу.

Он поставил чайник на конфорку и сел на ящик у стены, спиной к меди. Садясь, он тронул правой нагрудный карман шинели и убрал руку на колено.

Я достала с полки две кружки. Рядом лежали мои часы с трещиной, стекло к стене. Я перевернула их: двадцать минут шестого.

— Что опечатал Сейл?

Голос у него был тот, каким спрашивают дежурного.

— Счётчик. Кран обвода перекрыли и опломбировали вместе с ним, одной проволокой. Пункт девятый, он мне показал в книжке.

— Ещё что?

— Лангфорд перед ним обошла лавку с секретарём. Всё обмерили, Бернарда поставили на учёт. Я теперь проживающая.

Он кивнул. Ложку я взяла со стола левой, и рука по дороге прошла у меня мимо груди, мимо кармана, где лежал свёрток. Я насыпала пыль в кружки, поровну.

— Что с домом?

— Гудит ниже. Провал был на четвёртом такте, теперь на третьем. Держит.

— Долго?

— Посмотрю по тетради.

Чайник зашумел. Илар потянулся с ящика, снял его правой и налил, сначала в мою кружку, потом в свою. Пар поднялся ему в лицо, и он не отвернулся.

Он смотрел на мою правую руку. На гипсе, поверх пятен, стояли мои цифры, съехавшие по марле.

— Это что?

— Показания. Сняла до пломбы. Сейл потом прочёл их вслух для акта, и у него вышло на одну больше.

— На одну.

— Барабан шёл.

Я одёрнула куртку на груди, ладонь прошла по пуговице внутреннего кармана и ушла вниз, к фартуку.

Спросить было просто: что у тебя в кармане. Пять слов. Тогда он спросит про мой, тем же голосом, каким спрашивал про Сейла. Я взяла кружку и отпила. Кофе был жидкий, горький, пах ржавчиной.

У входа в Тупик посигналила машина, раз и ещё раз.

Илар поднялся. Правая у него опять прошла по нагрудному карману, сверху вниз, до пуговицы.

— Я на северную заставу, — сказал он.

Он допил стоя, в три глотка, поставил кружку на плитку и пошёл к двери. Между мной и медью на стене места было на одного, и он прошёл у меня за спиной.

Ладонь легла мне на затылок, поверх спутанных волос. Тёплая, тяжёлая. Я услышала, как он вдохнул: коротко, до половины, дальше у него не шло.

Ладонь ушла.

Я стояла лицом к плитке. Конфорка урчала. Сзади стукнул засов, и под окном прошли шаги, к Тупику. Хлопнула дверца машины, мотор ушёл к Стим-авеню.

Вторую кружку я мыла левой, под краном, который опять плевался. Вытерла её краем фартука и поставила на плитку вверх дном, рядом со своей.

Потом я прижала ладонь к куртке, к внутреннему карману. Свёрток за ночь согрелся от меня и под пальцем подавался, как край пломбы под ногтем.

Глава 4. Северная застава

В четыре на плацу сменился часовой. Сапоги прошли под окном, стукнул о камень приклад, и опять стало слышно, как в печке оседает зола.

Я выдвинул ящик стола. Он шёл туго и на середине перекашивался, его надо было подать вверх. Конверт лежал там, где я его держу, под пачкой чистых бланков лицом вниз.

Жёлтая плотная бумага. На клапане остался белый сургуч, сорванный почти месяц назад. Печать по краю слома читалась наполовину: дуга века и под ней короткие штрихи. Глаз резали грубо, ножом, без лупы.

Северная сводка лежала на сейфе, сложенная пополам. Я перенёс её на стол и прижал сгиб чернильницей. Карандашный овал на месте ночной строки за ночь никуда не делся.

Письмо я положил справа от сводки.

Один лист, без подписи, без даты. Текст я знал наизусть и читал его с конца. «Уходи, пока ворота не закрыли». Нажим на последнем слове, хвост у «з» уходит под строку.

Сгибов было два, поперёк листа: втрое, под узкий тубус. Я провёл ногтем по каждому. Бумага на них вылохматилась до ворса. Поверх сгибов по всему листу шла мелкая сетка заломов: это я его тогда скомкал, в кабинете, и потом расправлял ладонью на колене.

Запах кожи из бумаги выветрился. Лист пах моим ящиком, сургучом и пылью. Края у него были целые. Палёную записку про Офелию, покойную тётку Аделин, я тогда смял и бросил в канаву, а этот лист сохранил.

Я надавил ногтем на сургуч, на край слома. Он был твёрдый, как в тот день, и ноготь соскользнул. На ногте остался белый жирный след, как от свечи.

Этот человек учил меня стрелять. И врать. Записки он мне тоже складывал втрое.

Я положил лист на сводку, рядом с овалом. Правый край листа приподнялся по старому сгибу.

В дверь стукнули один раз.

Рэй вошёл без фуражки, с листком из аппаратной. Глаза у него были красные, воротник застёгнут на все крючки.

— Ваше Высочество. Комиссия подтвердила созыв командующих. В девять, в штабе.

Он положил листок на край стола, подальше от письма.

— Машину вы велели к половине шестого. На северной к семи будем, не раньше, объезд у руин. К девяти обратно не успеть.

— Знаю.

— Разрешите, я съезжу сам. Журнал перепишу слово в слово, к обеду он будет у вас.

Я взял карандаш и постучал им по овалу на сводке.

— Эту тоже переписывали.

Рэй посмотрел на овал и больше ничего не предлагал.

— Иди. Зайдёшь через четверть часа.

Дверь за ним закрылась.

Поле у сводки было широкое, писарь оставлял его под пометки. Я написал там два слова, имя и фамилию. Карандаш был тупой, и буквы вышли толстые.

Лоран Вейс.

Я прочёл их про себя.

Полоску я оторвал вдоль поля, от верхнего края до нижнего. Бумага рвалась плохо, с волокном. Сложил её вдвое и положил в пепельницу.

Зажигалки при мне давно не было. Спички лежали в ящике, в картонном коробке. Первая сломалась о тёрку, вторая зажглась.

Полоска занялась с угла. Она выгнулась, почернела и свернулась. Буквы продержались на чёрном дольше бумаги, серые, потом пропали. В кабинете запахло горелым.

Я сложил письмо по старым сгибам, втрое, и убрал в конверт. Китель я расстегнул одной рукой и стянул с правого плеча, левый рукав снимался дольше, через бандаж. Повесил китель на спинку стула. Шинель висела на гвозде у двери, погон на ней не было.

Рэй постучал, когда я просовывал в рукав правую руку.

— Сначала в Тупик Медных Игл, — сказал я. — Оттуда на северную.

— В Тупике в шесть наш пост снимается, Ваше Высочество. Комиссия заступает.

— Пост сдадут без тебя. Дежурному скажешь: командующий на заставе. До Тупика я пешком.

— Есть.

Он посмотрел на пепельницу и вышел.

Конверт я опустил в нагрудный карман шинели и застегнул клапан. Шинель застегнул на одну руку. Потом погасил лампу.

В пепельнице лежал чёрный завиток бумаги. Я закрыл за собой дверь.

Из Тупика Рэй увёз меня, едва я вышел от Аделин. Через город ехали полтора часа. Стимавеню у руин перекрыли, объезд шёл по набережной. На каждом перекрёстке Рэй сбрасывал ход перед патрулём. Во рту у меня держался её жидкий кофе с ржавчиной.

Северная застава стояла там, где кончалась булыжная мостовая: два кирпичных столба, ворота из железных полос, караулка с трубой. За воротами поднималась насыпь окружной ветки, она огибала город с востока. Ветер шёл с севера, мокрый, с угольной гарью.

Рэй остался у машины. Я пошёл к караулке.

Лейтенант вышел навстречу, на ходу затягивая ремень, и встал в дверях.

— Куда? Посторонним к воротам нельзя. Кто такой?

Потом он увидел пряжку бандажа под распахнувшейся полой и поднял глаза на лицо. Рука у него пошла к козырьку.

— Ваше Высочество. Виноват.

— Журнал выхода. Ночь после обрушения Магистрата.

Он не отступил из дверей. Достал из-за обшлага сложенную бумагу и развернул её передо мной.

— С сегодняшнего утра, Ваше Высочество. Нарочный привёз в шесть. Документы поста выдаются через реестр комиссии, по запросу.

Бланк комиссии, отпечатанный, графы по линейке. Внизу подпись секретаря, чернила свежие.

— Я его не забираю, — сказал я. — Откройте при мне.

Лейтенант посмотрел на бумагу, потом через моё плечо на дорогу, где стояла машина.

— Под вашу ответственность, Ваше Высочество.

— Под мою.

Он сложил бланк, убрал обратно за обшлаг и отступил в караулку, пропуская меня.

В караулке пахло мокрыми тулупами, махоркой и керосином. Печка в углу гудела. Двое солдат у окна поднялись с лавки и встали к стене.

Журнал лежал на полке над столом, толстая книга в брезентовом переплёте, углы обиты жестью. Лейтенант снял его обеими руками, положил на стол и стал листать от конца. Страницы шли по ночам: смена заступила, ворота закрыты, отметки о выходе, смена сдала. Почерки менялись от ночи к ночи.

На одной странице он остановился и придержал её ладонью.

Правый верхний угол у неё был отчёркнут красным карандашом, косой чертой.

Страница была почти пустая. Под строкой о закрытии ворот стояла одна запись. Почерк медленный и с нажимом: так пишет человек, которому писать приходится редко. Выход, один

человек. По особому пропуску. Печать: белый сургуч, глаз от руки, закрытый. Маршрут, переписано с пропуска: «Ривенхольд — Саррат, южная линия». Посадка на разъезде за заставой. Подпись постового, крестик вместо росчерка и фамилия печатными.

На поле, против слова «закрытый», постовой нарисовал этот глаз. Дуга, под ней штрихи вниз, разной длины. Срисовывал он долго и два раза вёл одну и ту же линию.

Я провёл пальцем по записи от первого слова до последнего. Потом ещё раз.

— Почему этой ночи нет в сводке?

— Особые пропуска в сводки не переписывают, Ваше Высочество. Так положено. Начальник смены отчёркивает угол, писарь страницу пропускает. — Он тронул красную черту ногтем. — Задержанных в ту ночь не было. Вы задержанных и спрашивали.

Приказ поднять задержанных я писал сам, на чистом бланке, первым пунктом. Писарь переписал то, о чём его спросили, и ни строкой больше.

Я достал блокнот и положил его на соседнюю страницу журнала, чтобы не ездил. Лейтенант убрал ладонь.

Переписывал я правой, буква в букву, с его сокращениями и точками. На слове «Саррат» карандаш остановился над бумагой, и с грифеля на строку упала крошка. Я сдул её.

Южную линию я знал. По ней меня двенадцать лет назад отправили сюда, на север.

Дописал до конца. «Посадка на разъезде за заставой». Подпись постового я тоже переписал, с крестиком.

Глаз я перерисовал с его рисунка: дуга, штрихи разной длины и одна линия, наведённая дважды.

Письмо без подписи, без даты, бумага из рук в руки. Всё, чтобы по нему нельзя было прийти к тому, кто писал. И тот же человек, если это он, показывает постовому пропуск со станцией, и постовой её переписывает. Человек, который учил меня врать, лишней строки в чужом журнале по ошибке не оставил бы.

На поле блокнота, против маршрута, я поставил вопросительный знак.

Печка в углу стрельнула, и один из солдат у стены вздрогнул.

Я закрыл блокнот и убрал его в карман, к письму.

— Кто стоял на воротах в ту ночь?

Лейтенант посмотрел на подпись с крестиком и повернулся к двери.

— Вестовой. Рядового с третьего поста сюда. Бегом.

Третий пост стоял на дальней стрелке, и рядового ждали почти час. Вошёл он в караулку боком, придержав дверь, чтобы не хлопнула. Лет двадцати, уши красные от ветра, ремень затянут на последнюю дырку. Увидел лейтенанта, потом меня и вытянулся у порога.

— Рядовой третьего поста по вашему…

— Ты стоял на воротах в ночь после обрушения?

— Так точно, Ваше Высочество.

— Кто выходил после закрытия?

— Не видел, Ваше Высочество. Не помню.

Большие пальцы он прижал к швам так, что побелели ногти. Глаза у него ушли на лейтенанта и вернулись. На полке за спиной лейтенанта лежал журнал, и рядовой туда не смотрел.

— Пойдём, — сказал я. — Покажешь.

На улице ветер ударил в грудь и распахнул полу. Я придержал её правой. Рэй у машины выпрямился, я качнул головой, и он остался.

Постовой открыл калитку в воротах своим ключом. Петли взвизгнули.

— Отсюда он пошёл куда?

— Туда, Ваше Высочество. Вдоль насыпи.

Мы пошли по тропе под насыпью. Шпалы наверху были чёрные от мазута, между ними лежал мокрый шлак. От них пахло креозотом. Рядовой шёл на полшага сзади и слева и каждые несколько шагов оглядывался на караулку.

Шагов через шестьдесят он остановился.

— Здесь он встал.

На столбе у стрелки висел фонарь, стекло закопчённое, днём не горел.

— Зачем встал?

— Постоял, Ваше Высочество. Минуту, может.

Я встал там же, под фонарь, и повернул голову к насыпи.

— Взыскания не будет, — сказал я. — Подписывать ничего не надо. Что ты его выпустил, ты сам и записал, под своим крестиком. Записал правильно.

Рядовой переступил с ноги на ногу. Потом отпустил плечи, отнял руки от швов и подул на пальцы.

Со стороны города, за воротами, загудел заводской гудок. Долго, на одной ноте. Девять. Штаб начал без меня. Я дослушал гудок до конца.

— Какой он был?

— В штатском. Пальто тёмное, длинное, ниже колен. Шляпа вот так. — Он приложил ребро ладони к бровям. — Лицо от фонаря прятал. Я фонарь поднял, а он голову к насыпи.

— Багаж?

— Ни чемодана, ни свёртка. Руки пустые.

— Пропуск?

— Уже в руке держал, как к калитке подошёл. Я только рот открыл, он уже протягивает. Двумя пальцами держал, вот так, за уголок.

Он показал, указательным и средним.

Теми же двумя пальцами мне когда-то поправляли локоть на стрельбище. Молча.

Карандаш у меня в кармане был, и блокнот был. Я их не достал.

— Дальше.

— Дальше пошёл. Медленно. Я на него смотрел, пока в темноте не пропал, долго смотрел. Он ни разу не обернулся.

Тропа поднялась к разъезду. Платформа там была короткая, дощатая, на три вагона, у её края стояла будка стрелочника. Из трубы на будке шёл пар и рвался на ветру.

Рядовой поднялся на платформу первым и отошёл к краю, давая мне место. Доски под ногами были скользкие.

Рельсы уходили на юг, в обход города, до поворота за водокачкой, и дальше их видно не было. Я смотрел вдоль них.

Рядовой смотрел туда же. Он вытер нос рукавом шинели и сказал, ни к кому:

— Шёл так, будто ворота для него и открыли.

Глава 5. Повестка

Скрутка на культе у Бернарда съехала ещё вчера, когда по ней прошлась рулетка секретаря, и за день брезент отошёл от корпуса на два пальца. Я размотала проволоку до конца. Край брезента прижала к корпусу струбциной, через лоскут кожи, чтобы губки не драли краску, и начала заново.

Илар сидел на табурете у верстака, спиной к лампе. Пришёл он в седьмом часу, с заднего хода, сказал «добрый вечер» и сел. От шинели пахло креозотом и мокрым ветром. Про заставу он ничего не рассказывал, и я ничего не спрашивала.

— Держи, — сказала я.

Он взял свободный конец проволоки правой и держал, пока я вела её левой вокруг культи. Первый виток лёг плотно, к самому краю. На втором проволока взяла петлю, я отпустила её назад на полвитка и повела снова. Третий я затягивала плоскогубцами, упираясь коленом в каток.

Окуляры у Бернарда тлели в стену. Шея не повернулась, только в корпусе что-то щёлкнуло, один раз, как в часах перед боем.

— Терпи, — сказала я ему. — Сейчас подтяну и отстану.

В дверь постучали костяшками, три раза. От стука она подалась внутрь.

Я отдала плоскогубцы Илару и пошла открывать. Дверь пришлось приподнять за ручку, снять с порога и дотолкать плечом.

На пороге стоял посыльный в шинели корпуса, с сумкой на ремне через плечо. Молодой, щёки обветренные, под мышкой книга разноски в холщовом чехле. За его спиной, у колонки, горел фонарь поста, и под фонарём стоял часовой комиссии с винтовкой у ноги.

— Госпожа Вандерхольт?

— Она.

Он расстегнул сумку, достал сложенный лист и подал мне. Я развернула его о косяк, прижимая локтем, и поднесла к лампе.

Бланк комиссии, графы по линейке, чернила фиолетовые. «А. Вандерхольт, наследница имущества О. Вандер в Тупике Медных Игл». Ниже: явиться завтра к десяти часам во временную канцелярию комиссии на Центральной площади, документы иметь при себе.

На крыше Илар повернул ко мне депешу нижней строкой. Одно слово с неё теперь стояло в графе, после моей фамилии, выведенное чужим пером, с нажимом.

Наследница имущества. Имущество было тут же: верстак, расколотый вдоль, и голем, у которого брезент на культе опять висел на одной струбцине.

— Распишитесь в получении.

Посыльный вытряхнул книгу из чехла, открыл на закладке и подал мне химический карандаш. Я положила книгу на верстак, рядом с локтем Илара, прижала страницу гипсом и расписалась левой.

Карандаш ехал, куда ему хотелось. «В» вышла пузатой, остальное покатилось под горку и кончилось за краем графы.

Посыльный взял книгу и повернул к свету. Под обложкой у него была подколота бумага, и я узнала её по углу: копия протокола досмотра, с печатью Управления внизу. Там стояла моя прежняя подпись, правой, с крупной прямой «В» и коротким росчерком вверх.

Он смотрел то на копию, то в графу. Брови у него сошлись.

Я подтолкнула лампу по верстаку к своему гипсу. Спицы блеснули.

— Та была до этого, — сказала я.

Посыльный посмотрел на спицы, кашлянул и дописал в графе сбоку, мелко: «левой рукой». Потом поднял глаза на табурет у верстака.

Илар встал. Лампа осветила ему лицо, и посыльный вытянулся, прижав книгу к шинели.

— Ваше Высочество.

Одиннадцать метров шестьдесят от порога до задней стены, и на них два наследника: одному отдают честь, другой подают химический карандаш.

— Я буду на допросе, — сказал Илар посыльному. — Как командующий.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Посыльный опустил книгу на край верстака и повёл карандашом по следующей графе.

— Госпожа Вандерхольт явится в сопровождении?

— Нет, — сказала я.

Илар успел набрать воздуху. Я слышала, как он его набрал.

Посыльный записал. Писал он медленно, выговаривая про себя по слогам: «без со-про-вож-де-ни-я». Закрыл книгу, убрал в чехол, козырнул Илару, потом, помедлив, мне и вышел.

Дверь он за собой не дотянул, и из щели потянуло холодом. Повестка на верстаке приподнялась углом и поползла к краю.

Я прижала её ладонью. Струбцину сняла с Бернарда, и брезент на культе тут же отвалился на сторону. Губки я навела на угол повестки, через тот же лоскут кожи, и завернула винт до упора.

Илар смотрел на лист, прижатый к дереву. Потом сел обратно на табурет и взял с верстака конец проволоки.

Повестку я несла во внутреннем кармане, сложенную вчетверо, и на углу у неё остались две вмятины от губок струбцины. Карман оттопыривался. Там же лежали мышь, зажигалка, свёрток из тетрадного листа и конверт с бумагами, и на каждом шаге всё это вместе упиралось мне в рёбра.

Илар ушёл в Управление затемно, до того как я встала, и табурет задвинул под верстак. На верстаке под его кружкой лежал листок из блокнота, в две строки: «Без сопровождения. Я в Управлении».

На углу площади я подняла глаза на башню Биржи. Нутро Часов я когда-то перебирала руками, и голова с тех пор задиралась сама. Стрелки стояли там, где встали. Я опустила глаза на мостовую и прибавила шагу.

Канцелярию комиссии устроили в доме рядом с Биржей. Часовой у двери взял повестку, прочёл, потом вытянул из-за обшлага карманные часы и щёлкнул крышкой.

— Без шести, — сказал он, вернул мне повестку и открыл дверь.

В комнате пахло сырой известью. Длинный стол собрали из двух, по шву между ними шла щель в палец. Посередине, лицом к двери, сидела Лангфорд, перед ней лежала папка на тесёмках. Сбоку, за отдельным столиком, стенографист в нарукавниках пробовал перо на промокашке. В дальнем конце стола сидел Сейл и писал. Когда я вошла, он поднял глаза, кивнул и вернулся к листу.

— Садитесь, госпожа Вандерхольт, — сказала Лангфорд. — Документы при вас?

Стул стоял напротив неё. Я села, расстегнула куртку и полезла левой во внутренний карман. Пальцы прошли по бумажному хвостику свёртка и взяли конверт.

Бумаги в конверте лежали трубкой. Первым я вытянула диплом. Он свернулся обратно, как только я его отпустила, и я раскатала его по столу гипсом, от края к краю. Потом свидетельство. Потом патент, сложенный вдвое, с протёртым сгибом.

Лангфорд взяла диплом. Читала она его целиком, от шапки до регистрационного номера, и губы у неё не двигались. Дошла до подписи ректора. Перевернула лист лицом вниз и положила перед собой.

— Подлинный.

Свидетельство она прочла так же, до номера.

— Подлинное.

Патент она развернула по сгибу, придержала ногтем протёртое место и дочитала до печати.

— Подлинный.

Три бумаги лежали перед ней стопкой. С моей стороны стола была видна одна изнанка, серая, с печатью, проступившей насквозь.

— Допуск к стратегическим узлам, — сказала Лангфорд. — Класс, дата выдачи, кем выдан.

— Нет.

— Не получали?

— Не получала.

Лангфорд положила ладонь на стопку.

— Диплом с отличием. Пять лет университета. Патент. И ни одного допуска к стратегическим узлам.

Сказала она это тем же голосом, каким позавчера у меня в мастерской сказала «длина помещения».

— Когда в Казначействе пошла вразнос сфера, — сказала я, — допуск у меня никто не спрашивал. Тамошние техники к постаменту подойти не смогли. Я подошла.

Стенографист поднял перо и посмотрел на Лангфорд. Она кивнула ему: пишите.

— Сфера Казначейства в перечень стратегических объектов не входит, — сказала она. — Узел под вашей лавкой входит. Номер позиции мне вчера прислали из штаба.

Нажима в голосе не было. Сейл у себя перевернул страницу.

Я выпрямилась на стуле, и гипс стукнул о край стола.

— У меня статус консультанта Магистрата. Первой категории, с правом технического вмешательства.

— Я знаю.

Лангфорд развязала тесёмки, перебрала листы в папке, не вынимая, и достала один. Жёлтая бумага, наверху штамп: «Копия. Архив Управления». Ниже писарским почерком шли мои строки.

— «Консультант первой категории с правом технического вмешательства в узлы четвёртого сектора», — прочла она вслух. Палец её спустился к нижнему краю листа. — Выдан Магистратом.

Она положила копию рядом со стопкой, лицом вверх.

Эти слова я когда-то читала на гербовой бумаге, с золотым тиснением поверх оттиска, и вела по золоту ногтем. На копии золота не было. Писарь переписал всё до запятой и слово «Магистратом» украсил завитком.

Я дотянулась и провела ногтем по завитку, там, где на моём листе лежало золото. Ноготь прошёл по жёлтой бумаге и ни за что не зацепился.

Левую я убрала на колено. Пальцы на ней собрали штанину в складку, и я их разжала.

Мои бумаги Лангфорд собрала, подровняла стопку, постучав торцом о стол, и двинула её ко мне. Стопка проехала по доскам, запнулась о шов и остановилась у моего гипса.

Лучшие бумаги в моей жизни, и те легли ко мне спиной.

Лангфорд обмакнула перо и открыла папку на чистом листе протокола. Первое слово на нём было напечатано: «Вопрос».

Стопка лежала у моего гипса. Я её не трогала.

Лангфорд вписала что-то после напечатанного слова и подняла голову.

— Госпожа Вандерхольт. Кто в ночь обрушения вывел узел под Магистратом в разнос?

Стенографист поставил перо на бумагу и ждал. Перо Сейла тоже встало, и стало слышно, как гудит печка.

— Я, — сказала я.

Стенографист поставил в строке точку.

— По порядку, — сказала Лангфорд.

— Сердце из подвала моей лавки лежало на стальном столе, в лаборатории под Магистратом. Сгоревшую обмотку я выдрала, контур закоротила напрямую, мимо предохранителей. Кольцо-регулятор поставила в центральный паз. Потом вывела узел в форсаж. Верньер крутила левой, правая уже тогда была не рабочая.

Говорила я так, как пишут в журнал смены.

— Дальше вы видели, — сказала я.

— Кольцо вошло в паз свободно?

— С щелчком. Паз под него делали заранее.

Она записала это сама, в тетрадь. Потом подняла перо.

— На какое значение вы вывели узел?

Цифры встали у меня под языком, все пять, в том порядке, в каком я тогда шевелила над ними губами. Я прижала язык к зубам.

— На предел прочности узла.

— Число, госпожа Вандерхольт.

— Предел прочности.

Лангфорд подождала. Стенографист держал перо над листом, на кончике собралась капля, и он снял её о край чернильницы.

Лангфорд обмакнула своё перо и написала в протоколе сама, никому не диктуя. Буквы я прочла вверх ногами: «Значение назвать отказалась».

Сейл поднял голову. Перо осталось у него в пальцах, над листом. Он смотрел на мою левую руку, лежавшую на столе, и смотрел долго, пока я не убрала её на колено.

Печка в углу щёлкнула дверцей.

Стенографист дописал, прокатал лист промокашкой и перенёс его через стол ко мне вместе с пером. Строки шли плотно. В самом начале стояло моё «Я», с точкой.

Внизу оставили графу. Расписаться хотелось правой, по-старому, с росчерком вверх. Перо я взяла левой. Подпись поехала так же, как вчера в книге посыльного: пузатая «В», дальше всё под горку, и хвост ушёл за линейку. Второй раз я расписываться не стала.

Лист Лангфорд приняла за края и посмотрела подпись на свет. Подула на неё, положила протокол в папку, поверх копии из архива, и закрыла её.

Перо так и осталось у меня в левой. С него капнуло на изнанку диплома.

Тесёмки Лангфорд стянула бантом.

— Вы знаете этот узел лучше всех в городе. Именно поэтому я не могу вас к нему пустить.

Глава 6. Булавки на карте

Булавки Хоффман держал во рту, штук пять, головками наружу, и вынимал по одной. Картон под картой Красса был плотный. Булавка входила до половины, дальше он дожимал её ногтем большого пальца, пока бумажный флажок не ложился к самой карте.

На флажках чернилами стояли номер узла и день монтажа.

Адъютант корпуса, лейтенант с тонкой шеей, стоял у его локтя и читал по списку: номер, квартал, улица. Хоффман находил место, втыкал, адъютант ставил в списке галочку. Зелёные фишки Красса лежали там же, где позавчера, и флажки вставали рядом с ними.

Часы над дверью аппаратной показывали начало девятого. Протокол вчерашнего созыва лежал у меня на краю стола, под чернильницей. В девять, когда его подписывали, я был за северной заставой. График монтажа там шёл приложением, одиннадцать узлов, и против каждого — «утверждено».

Хоффман вынул изо рта следующую булавку и повёл пальцем вниз, к реке. Палец остановился на четвёртом секторе.

— Стим-авеню, — прочёл адъютант. — Камера у мостовой. Кожевенная, угол. Тупик Медных Игл, два двора.

Палец Хоффмана прошёл по всем четырём точкам и вернулся на первую.

Второй двор у Тупика я знал. Там колодец на вводе в лавку, с него уходит боковая ветка, и манометр на этой ветке я дважды в сутки снимал с телеметрии сектора.

Я поставил палец рядом с его пальцем.

— Инженер-полковник. Эти четыре — мой сектор.

Хоффман вынул оставшиеся булавки изо рта и положил их на край карты, в ряд.

— Слушаю, Ваше Высочество.

— Угол у Кожевенной. Узел по сводкам неисправен с того года, как я принял сектор. Заявку на замену я подавал каждый год. Возвращали с пометкой: давление в квартале в норме.

— Было в норме?

— Было. — Я передвинул палец. — Стим-авеню. Та же графа, дольше. Я по ней ездил двенадцать лет.

— Тупик. Ввод в лавку. По отчётам Управления мастерская на консервации, и цифры в них как у консервации. Я ходил туда сам, три раза за один месяц, и каждый раз клал ладонь на фасад с северной стороны. Кирпич был тёплый.

Хоффман слушал, наклонив голову к карте. Булавку он так и держал над Тупиком.

— Манометр что давал?

— Скачок. Через четверть часа после каждого пика по городу.

— Сколько?

Я не ответил сразу. Цифры у меня были, мои, снятые моей рукой. В журнал Управления они не ушли ни разу.

— Сводки сектора шли в Счётную палату.

Хоффман поднял глаза на карту, туда, где у Красса на месте Магистрата был заштрихован карандашом квадрат.

— Под завалом, — сказал он.

— Под завалом.

Я прикинул. По Стим-авеню — два раза в сутки, двенадцать лет, выходит под девять тысяч проездов, если не вычитать лазарет. К Кожевенной — раз двадцать за пять лет, с заявкой в кармане. И ни одной строки, которую можно положить на этот стол.

— Отложите одну, — сказал я. — Любую из четырёх.

— На какой цифре мне её отложить, Ваше Высочество?

Этого вопроса я ждал с той минуты, как поставил палец на карту. Адъютант опустил карандаш.

— У меня город без тепла и одиннадцать узлов на графике, — сказал Хоффман. — Этот узел я ставил везде, где меня посылали, и везде он держал норму. Принесёте цифры — я пересмотрю любую булавку. Сам приду смотреть.

— Цифры в моих заявках, — сказал я. — Узлы четвёртого сектора числились неисправными при нормальном давлении в квартале.

— Благодарю вас, Ваше Высочество. — Он повернулся к адъютанту. — Лейтенант, запишите: со слов командующего, узлы четвёртого сектора числились неисправными при нормальном давлении в квартале.

Адъютант записал на поле списка, мелко, в две строки.

Хоффман взял у него перо, вывел на флажке номер и сегодняшний день и воткнул булавку в Стим-авеню. Дожал ногтем. Следом встали Кожевенная и оба двора у Тупика, с днями позже.

— Сегодня, с десяти. Первый. — Он повернулся ко мне. — Улица людная, Ваше Высочество, а караула у меня нет. Прошу взвод гарнизона в оцепление.

Бланк наряда у адъютанта был уже заполнен: взвод, улица, час. Пустой оставалась графа подписи. Он положил бланк передо мной, на край карты, прямо на Литейный мост.

Бумага поехала по картону. Я придавил её бандажом и расписался, пока она стояла.

Илар Дюпре. Командующий.

Бланк я отдал адъютанту.

Я снял с крюка шинель и стал просовывать правую руку в рукав. Оцепление я проверю сам.

Канат натянули от фонарного столба до водосточной трубы на углу, поперёк мостовой. Солдаты гарнизона стояли вдоль него через три шага, спиной к работе. Хоффман уехал на следующую точку в четверть двенадцатого, оставив здесь бригадира и пятерых монтажников.

Я стоял у каната. Дышал я верхом, иначе упиралось под рёбрами.

Решётку у мостовой монтажники поддели ломами вдвоём и оттащили на тротуар. Из камеры поднялся пар, пахнуло ржавчиной и мокрым кирпичом. Старая арматура сидела внизу в бурых наплывах, болты фланцев заросли так, что граней было не видно. Задвижку выше по улице перекрыли ещё до меня. Фонари над Стим-авеню стояли тёмные, все до поворота.

Бригадир, сухой, в брезентовой куртке поверх мундира, держал на планшете чертёж узла, прижатый зажимами.

— Старое режем, — сказал он. — Вниз ставим целиком.

Он пошёл вверх по улице вдоль старой трубы, сверяясь с планшетом. Я пошёл за ним по своей стороне каната.

Шагах в двадцати выше узла бригадир остановился.

Из трубы торчал отвод, короткий, загнутый книзу, гнутый по месту, без лекала. На нём сидел рычажок, а на конце рычажка висел грузик, литой, с кулак. От отвода вниз уходила трубка тоньше карандаша и пропадала под мостовой, в шов между камнями. Под отводом на трубе торчал старый сливной кран с барашком, рыжий от ржавчины.

Бригадир посмотрел в планшет, потом на отвод, потом опять в планшет.

— На чертеже нет. Дефект, снять.

Монтажник привязал к рычажку бирку корпуса. Второй надел на трубу труборез и пошёл вокруг неё, подкручивая ролик на каждом обороте. Металл заскрипел тонко, на одной ноте. Отвод отошёл со щелчком. Трубку, уходившую под мостовую, откусили кусачками у самого камня и забили в неё деревянный чоп.

Кран остался на обрубке. Монтажник навернул на него колпак, колпак прошёл два витка и встал.

— Прикипело, — сказал монтажник.

— Он закрыт, — сказал бригадир. — Дотянешь на обходе.

Отвод полетел в ящик у машины. Ящик отозвался железом.

Я пролез под канатом. Солдат подвинулся. Отвод лежал в ящике поверх ржавых болтов, грузик свесился на рычажке к стенке. Я вынул его правой. Тяжелее, чем выглядел. Грузик качнулся и стукнул меня по запястью.

Отвод я положил на борт ящика и придавил коленом. На ручке ящика висела связка пустых бирок на проволоке. Одну я снял, прижал к доске рядом с отводом и написал карандашом: «Стим-авеню, двадцать шагов выше узла». Ниже число и час.

Проволоку пришлось крутить одной рукой, придерживая конец зубами. Скрутка вышла кривая. Я подёргал её, она держала.

Отвод я положил обратно, как лежал.

Бригадир стоял рядом, с журналом монтажа в руке.

— Ваше Высочество, снятое склад принимает по бирке корпуса. Вторая бирка на браке — вмешательство в приёмку. Я обязан записать.

— Пишите.

Писал он стоя, журнал на колене, и слюнил карандаш через слово, так что к концу строки губа у него посинела. Прочёл вслух, ни к кому не обращаясь:

— «Командующий вмешался в приёмку снятого».

Внизу на тали висел новый клапан. Цепь скрипела, и он поворачивался к нам то пломбой, то манометром. Серая краска на нём ещё мазалась, у монтажника на рукавице остался след. Клапан сел. Фланцы сводили ломиком, по волоску, а бригадир слез на две ступени и махнул мне.

— Прокладки паронитовые, по стандарту. — Он ткнул в планшет. — Вот пункт. Болты крест-накрест, момент по таблице. Ключ с лимбом, поверенный.

Я навалился на край камеры, чтобы видеть ключ. Под рёбрами упёрлось, я переждал. Стрелка на лимбе доходила до риски, и монтажник снимал руку, как с горячего. На всех болтах, до последнего.

— Фланцы сошлись?

— Щупом проверено. Пункт шесть.

— Опора?

— Новая. Вот.

Я ждал, что на каком-нибудь вопросе он полезет в планшет и станет листать. Палец у него стоял на нужной строке раньше, чем я договаривал. Спрашивал я, пока вопросы не кончились, и про опору спросил второй раз. Он показал ту же строку.

— Открывай, — сказал бригадир наверх.

Задвижку выше по улице провернули в три приёма. Труба у моего колена загудела, стукнула один раз и дальше гудела без стука. Под клапаном зашипело и перестало.

Стрелка нового манометра пошла от упора. Шкала до шестисот, цена деления пять. Стрелка дошла до двухсот и встала.

— Двести, — сказал бригадир. — В допуске.

Я смотрел на неё, пока от ветра не заслезились глаза. Она не дрогнула.

Фонари над Стим-авеню загорелись от камеры вверх, один за другим, до поворота. Горели все, и ни один не мигал.

Ящик со снятым двое монтажников подняли в кузов машины корпуса, за ручки. На борту по трафарету шла белая надпись: «Склад снятых узлов». Под ней номер машины и знак корпуса.

Машина тронулась. Я достал блокнот, положил его на левую ладонь, у бандажа, и переписал надпись с номером.

— Сержант. Оцепление снять.

Курьер комиссии вошёл в оперативный зал в начале четвёртого. У стола он щёлкнул каблуками и раскрыл книгу на закладке.

— Реестр выдачи копий, Ваше Высочество. Акты о безопасности города, командующему при осадном положении. Распишитесь в получении.

Графы шли по линейке: номер, что выдано, кому, подпись. Я прижал страницу локтем левой. Перо обмакнул до половины и расписался.

Курьер подул на строку, закрыл книгу и положил передо мной лист, сложенный вдвое. Потом козырнул и вышел.

Копия на бланке комиссии, текст от руки, фиолетовыми чернилами.

«На основании собственных показаний оператора, данных сего числа, А. Вандерхольт отстранить от работ на узле под лавкой в Тупике Медных Игл до окончания следствия. Дверь подвала опечатать сегодня к шести часам. Рабочие записи оператора изъять к делу». Ниже мандат комиссии, номер пункта и подпись: И. Лангфорд. Рядом, мельче, подпись секретаря, заверившего копию.

Я дочитал до подписи. Вернулся на первую строку и прочёл ещё раз, от «На основании». Собственных показаний. Утром, в десять, её спросили, и она ответила. В десять я держал канат на Стим-авеню. Посыльному я сказал, что буду на допросе, а утром оставил ей на верстаке: «Без сопровождения». Она при мне сказала посыльному «нет», и он записал это по слогам. Оцепление подвернулось потом, и я за него взялся.

Перо я так и не положил. Держал его над листом, пока чернила на кончике не засохли коркой.

В дверь стукнули один раз. Рэй вошёл с фуражкой в руке и остановился у стола. На распоряжение он смотрел сверху, вверх ногами, и прочёл его быстрее меня.

— Ваше Высочество. Разрешите в Тупик. К шести там будет команда комиссии.

Я молчал.

— Люди у меня под рукой, пятеро. — Он переступил. — Прикажете — стоять у двери.

Я положил лист на стол и встал. Шинель висела на крюке у двери, я снял её правой и перекинул через руку. Сукно было ещё сырое после Стим-авеню, пахло угольной гарью.

От Управления до канцелярии на Центральной площади двадцать минут шагом. До шести оставалось два с половиной часа.

Я стоял у крюка, с шинелью на руке.

Подпись под распоряжением стояла Лангфорд, по мандату. Основание было Аделин: её показания, её голосом, в протокол. Против этого у меня было одно слово, которое я пишу после фамилии, когда нужно, чтобы бумагу дальше не читали.

Шинель я повесил обратно на крюк. Петля на вороте села на него не сразу, я поправил.

— Никуда, — сказал я. — Пост там комиссии. Иди.

Рэй посмотрел на крюк, на шинель, потом на меня. Надел фуражку.

— Есть.

Дверь за ним закрылась.

Я пошёл к карте. Флажок на Стим-авеню адъютант корпуса днём сменил: на новом было приписано «поставлен, норма», и воткнул его адъютант криво, наискось, флажок лёг на соседний квартал. Я вынул булавку. В картоне рядом с утренней дыркой осталась вторая. Флажок я воткнул в утреннюю, прямо, и дожал ногтем, как Хоффман.

До шести я разбирал сводки патрулей. Часы в зале отбили шесть. Я дописал строку и поставил точку.

Рэй вернулся в седьмом часу. С ним был тот же курьер, с той же книгой.

— Второй акт, Ваше Высочество, — сказал курьер и раскрыл реестр.

Моя строка стояла на странице, и под ней была пустая. Я прижал книгу локтем и расписался. Перо на середине фамилии разошлось, и дальше строка пошла двойной. Переписывать я не стал.

Курьер ушёл. Рэй положил лист на стол, передо мной, и отступил на шаг.

Копия акта. Тот же бланк, та же подпись секретаря. «Дверь подвала лавки в Тупике Медных Игл опечатана до окончания следствия. Изъято: рабочие записи оператора, две тетради».

Тетради стояли у неё на полке у лестницы в подвал, корешками наружу. У второй загибались углы.

Я положил акт на распоряжение и подровнял их по краю.

Глава 7. Печать на двери

Команда комиссии ушла в седьмом часу. После неё в мастерской пахло горячим свинцом: пломбу техник плавил на спиртовке у лестницы, поставив её на мой табурет, и на сиденье остался серый потёк размером с монету.

Дверь в подвал стояла закрытая. Через обе скобы, на двери и на косяке, шла проволока, три витка, и на скрутке висела свинцовая пломба с оттиском. Поперёк щели, с доски на косяк, наклеили бумажную ленту. Штамп комиссии на ней лёг фиолетовым кругом, подпись секретаря шла поверх круга.

На полке у двери лежала копия акта, сложенная вдвое. Утром там стояли тетради, корешками наружу. В пыли от них остались два чистых прямоугольника, один чуть шире другого. Я развернула акт левой, придавив полку гипсом. Строка об изъятии шла последней, и тетрадей в ней стояло две, по числу пустых мест. Сложила обратно, по той же складке, и положила на чистое место, туда, где стояла вторая.

Тринадцать дней замеров, утро и вечер. Теперь их будет читать человек, который не знает, что четвёрка в моих цифрах лежит на боку, и примет её за что-нибудь похуже.

Я тронула ладонью внутренний карман куртки. Свёрток с сургучом был на месте.

Ладонь я приложила к двери ниже ленты, пальцы врозь. Доска была тёплая. Через неё шёл такт: толчок, толчок, провал, толчок. Провал стоял на третьем, как с той ночи, когда Сейл закрыл обвод. Я держала руку и ждала, что он съедет обратно на четвёртый. Он не съехал.

За спиной скрипнуло по полу.

Бернард снялся с брезента. Он выбросил клешню вперёд, упёр её в доски и подтянул корпус, гусеница прошла полоборота всухую, с визгом. Брезент на культе потащился за ним, скрутка звякнула об пол.

— Лежать, — сказала я.

Он подтянулся ещё раз и встал к двери вплотную, боком ко мне. Клешня легла на доски у самого косяка. От неё до ленты осталось полпальца.

— Бернард. Назад.

Окуляры тлели в дверь. Внутри у него щёлкнуло, дважды, как на приёме команды. Шея повернулась свои десять градусов, и окуляры ушли мимо меня, в угол, где стена сходилась с полом. Гусеница провернулась на месте и вдавилась в доску. Доска треснула вдоль.

Я взялась левой за край брезента у него под корпусом и потянула на себя. Брезент поехал ко мне. Бернард остался стоять.

В дверь стукнули, потом ещё раз.

— Сейчас.

Я подняла её за ручку, сняла с порога и отвела плечом. Снаружи стоял часовой с поста у колонки, в шинели корпуса, с фонарём.

— Проверка печати.

Он вошёл, не дожидаясь, и прошёл через мастерскую к лестнице. У двери он присел, посветил на пломбу и повернул её пальцем, оттиском к себе. Потом провёл фонарём вдоль ленты, от края до края, и задержал свет на клешне.

— Печать проверяется дважды в сутки, утром и вечером, — сказал он, выпрямляясь. — Повреждение печати — уголовное дело. К двери подвала никому не подходить.

Свет лёг на Бернарда, и окуляры в нём потускнели.

— Голема от двери убрать.

— Он у вас в описи, — сказала я. — С номером, на учёте. Вот и командуйте. А меня секретарь записал проживающей, и проживающей к этой двери подходить не велено. Вы только что сами сказали.

Часовой посмотрел на меня, потом на клешню. К Бернарду он не шагнул. Достал из-за обшлага книжку, записал в неё что-то, прижав к колену, и убрал обратно.

— Утром приду.

За ним я дотолкала входную плечом и задвинула засов.

Часовому это я зря: ему велели, он и ходит.

Брезент я отрезала от угла той подстилки, на которой он лежал, кусок в две ладони. Встала на колени у Бернарда, так, чтобы локоть не доставал до ленты, и завернула клешню, от шарнира к губкам. Проволоку вела левой, конец держала зубами.

— Терпи, — сказала я ему. — Порвёшь бумагу, отвечать будем оба.

Он не шевельнулся. Под брезентом клешня была тёплая, теплее, чем корпус.

Скрутку я затянула плоскогубцами и загнула хвост внутрь, чтобы не торчал к ленте. Потом принесла от верстака обрезок доски. Ломик завела под край гусеницы, налегла на него коленом и затолкала доску левой. Гусеница села на обрезок, и треснувшая половица под ней больше не проминалась.

Я поднялась, держась за полку. Пустая полка качнулась на гвоздях. Лампу я взяла с верстака и пошла за прилавок, к раскладушке. Оранжевые точки окуляров остались у двери и смотрели в угол.

Утром часовой пришёл в восьмом часу, посветил на пломбу, хотя в окне уже серело, и ушёл. Бернард за ночь не сдвинулся. Доска под гусеницей стояла там, где я её подсунула.

В девятом часу в дверь забарабанили кулаком. Дверь проехала полхода и села, и в щель просунулась рука, красная до локтя, в мыльной пене.

— Открывайте, я держу!

Держала она зря: дверь от этого села крепче. Я сняла её с порога, и в мастерскую вошла женщина в платке, завязанном на затылке, в мужской куртке поверх фартука. Пахло от неё хозяйственным мылом и угольной пылью.

— Марта я. Из дома через двор, где бельё. — Она вытерла руку о фартук. — У меня котёл с ума сошёл.

— Как сошёл?

— То кипит, то стынет. Кипит — клапан поёт на весь двор. Стынет — вода из крана холодная, хоть ноги мой. И так со вчерашнего. — Она полезла за пазуху и развернула бумажку. — А вот это пришло вчера. Сорок два эфирных. За неделю. Я одна живу, у меня кот, и кот эфира не ест.

— Краны я трогать не стану, — сказала я. — Меня отстранили от узла. Поверну у вас вентиль — завтра в акте напишут, что я лезла в сеть через соседей.

— Знаю, весь Тупик знает. — Марта кивнула на опечатанную дверь, на Бернарда. — Вы потрогайте, что там. Трубу, котёл.

Кофр стоял под верстаком. Я вытащила из него контактный термометр в латунной оправе, моток мягкой проволоки, кусок мела и сунула всё в карман фартука.

Часовой у колонки проводил нас глазами до поворота во двор. По цоколям во дворе шла старая Скверна, чёрная, высохшая, до колена, и Марта обходила её, прижимаясь к бельевым столбам.

Подвал у неё был низкий, я задевала головой верёвки. На верёвках висели простыни, мокрые, тяжёлые, и с них капало на кирпич. Котёл стоял у дальней стены: чугунный, на ножках, клапан наверху в медном колпаке. Колпак подрагивал.

Сначала ладонью, на подающую трубу. Горячая, рука сама ушла. Потом на обратку. Тёплая, едва.

Термометр я приложила к подающей, под самым котлом, и примотала проволокой: конец в зубы, два витка левой, скрутка. Ртуть поползла вверх. Карманные часы с треснутым стеклом я открыла и положила на выступ стены.

Клапан запел. Сначала тонко, потом ниже, на одной ноте, и простыни у котла шевельнулись от пара.

— Вот, — сказала Марта. — Слышите?

Мелом я написала на побелке, крупно, левой: «9.12 кип.». Ртуть дошла до верхней риски и там стояла. Клапан пел. Через шесть минут он охрип и смолк, и ртуть пошла вниз, быстро, как по лестнице. Под ладонью подающая остывала. Я написала: «9.18 стынет».

Марта стояла за спиной и дышала в затылок.

— Так вы кран-то поверните. Вот этот, с краю. Прикройте ему подачу, пусть не дурит.

— Не могу.

— Я никому не скажу.

— Часовой видел, куда я пошла. — Я не обернулась. — Возьмусь за ваш кран — протокол напишут на вас. Дом ваш, котёл ваш, сеть — комиссии. Мне ничего, я и так отстранена. А вам штраф.

Она помолчала. Капало с простыни на кирпич.

— Штраф, — сказала Марта. — Ну конечно. Тогда чего вы тут пишете? Я и сама вам скажу, когда кипит. Ухом.

Она сдёрнула с верёвки простыню, скомкала её в таз и понесла к лестнице. Потом вернулась с пустым тазом и встала у стены.

Кран был с краю, барашек стёрт до латуни. Полоборота, и котёл бы у неё успокоился, а протокол писать некому, кроме котла. Хотелось. Я вытерла мел с пальцев о фартук и кран обошла.

Второй раз клапан запел в девять тридцать одну и пел семь минут. Остывал он дольше первого. Я писала мелом столбиком, минута под минутой.

Третий раз, наверное, закипит около пятидесятой минуты и опять минут на семь, если пойдёт тем же шагом.

Я держала ладонь на подающей и ждала. На сорок восьмой минуте труба стала греться. На пятидесятой клапан запел.

На пятьдесят второй он смолк на середине ноты.

Ртуть упала разом, как отрезанная. Подающая под ладонью остыла, пока я перехватывала её пониже. Столько воды в чугуне так быстро не остывает. В котле что-то стукнуло, раз, и затихло.

Через двор, из-за мокрых простыней, закричал мужской голос:

— Марта! Марта, у меня закипело! У тебя тоже?

Марта посмотрела на котёл. Потом на меня.

— Это через двор, — сказала она. — У него тоже котёл.

Я подошла к стене. За двором, за простынями, стоял его дом с жестяной трубой. Мелом я провела по побелке стрелку, от своих столбиков вбок, через кирпич к нему, и рядом с острием написала: «9.52».

Термометр я отмотала, проволоку скатала на палец. Латунь была холодная.

Во дворе у бельевого столба меня ждала женщина с ведром, у соседней двери стоял старик в валенках. Оба заговорили разом. Я пошла через двор к лавке, и они пошли за мной, не прерываясь.

Ночью я проснулась от ног. Пальцы свело, пятки лежали в холоде, как в мокром песке. Одеяло было одно, и я спала в куртке, поджав колени, а к ночи колени разогнулись сами.

В мастерской было темно. Над прилавком серело окно, у двери подвала тлели две оранжевые точки.

Я подтянула ноги и потянулась левой вверх, к батарее над изголовьем. Чугун был ледяной. Рёбра под пальцами холодные по всей длине, от крана до заглушки. Вечером она грела так, что я повесила на неё носки.

Носки висели там же. Я сняла их и натянула под одеялом.

Потом рука сама ушла с чугуна на стену, рядом, на голый кирпич.

Кирпич был горячий. Горячее, чем днём, когда я приходила от Марты и грела об него руку. Я держала руку, пока терпела, и убрала.

Мел лежал в кармане фартука, фартук висел на спинке раскладушки. Я нашарила его, села, спустила ноги на пол. Доски были холодные. Мел я зажала в левой, между большим и указательным, и ладонь осталась открытой.

Я повела левой по стене, от батареи вниз. Горячее шло полосой, в две ладони шириной. Выше и ниже полосы кирпич был просто тёплый. Я провела мелом по краю, верхнему и нижнему, и шагнула дальше.

Полоса спускалась к полу у прилавка и шла вдоль стены вглубь мастерской, на высоте колена. Я шла за ней на корточках, одной левой: ладонью по кирпичу, потом мелом по краю. Мел крошился и скрипел. У верстака пришлось лезть под столешницу, спиной я задела струбцину, и она стукнула о доски.

За верстаком полоса поднялась на ладонь и пошла к задней стене. К двери подвала.

Я остановилась в шаге от Бернарда. Ближе было нельзя. Его корпус стоял у косяка, обмотанная клешня белела у ленты. От окуляров шёл слабый рыжий свет, и в нём было видно пломбу.

Кирпич у косяка был горячий, как бок печки. Полоса поворачивала здесь и уходила по наружной стене, к углу, за которым начинался Тупик.

Мел оставил на кирпиче неровную двойную черту, от раскладушки досюда.

Ладонь я прижала к полосе у косяка и не отнимала.

Горячее под ладонью поползло. Медленно, как вода по промокашке, оно ушло из-под пальцев вбок, к углу, на пядь. Там, где только что жгло, кирпич остыл до тёплого. Я сдвинула руку следом, и под ней опять стало горячо. Мои меловые черты остались на прежнем месте, на пядь позади.

У Бернарда внутри щёлкнуло два раза подряд.

Окуляры смотрели в тот же угол, что с вечера.

Можно было утром сказать часовому. Он запишет в книжку: проживающая ночью трогала стену.

Мел я положила в карман фартука. Обратно шла по черте, рукой по стене, от горячего к горячему. У раскладушки сняла руку, села. Одеяло натянула на ноги, до самых пальцев, и поджала колени.

Левую я положила на кирпич рядом с подушкой. Ноги мёрзли. Над головой стыл чугун.

Стена под ладонью была горячая, и горячее уходило из-под пальцев к Тупику.

Глава 8. Раскоп

Плиту брали лебёдкой. Двое сапёров завели под неё цепь, третий крутил ручку, и барабан на треноге выбирал звено за звеном, с щелчком собачки на каждом. Плита оторвалась от завала, повисла и пошла боком, к куче таких же у каната. Из-под неё дохнуло холодом и мокрой известью.

Фасад Магистрата стоял до второго этажа, выше было небо. Середина здания ушла в землю воронкой, по её краю из бетона торчала арматура, загнутая вниз. Шахту корпус вёл сбоку, там, где под площадью шёл коллектор.

Хоффман стоял у ямы в брезентовом плаще поверх шинели. В шахту вгоняли крепь, сапёр внизу бил по каждой стойке кувалдой, и после каждой Хоффман ставил в тетради палочку.

Сейл стоял у каната по другую сторону ямы, с папкой под мышкой. Когда плита проходила над его головой, он не отступил.

Я пролез под канатом. Под сапогами хрустела штукатурка с гербовой лепниной.

Хоффман закрыл тетрадь на пальце.

— Смотреть лучше отсюда, Ваше Высочество. Отсюда видно всё, что я знаю.

— Я спущусь.

— Внизу вода по колено. Крепь старая, не моя. Свод держится на том, что на него упало. — Он посмотрел на бандаж у меня под шинелью. — Сядете на скобах, я остановлю раскоп, чтобы вас поднимать. Сутки долой.

— Я был в насосной. В ту ночь. Дверь покажу.

— У меня план здания.

— План был у здания.

Сапёр внизу вогнал стойку и крикнул номер. Палочку Хоффман поставил не глядя. Про сутки он сказал правду, это я знал и без его тетради.

— Верёвка на сапёра. Скажу «наверх» — идёте наверх, без слова. Под землёй командую я.

— Согласен.

— Ефрейтор, обвязать.

Ефрейтор был низкий, широкий, с лицом, серым от извести. Верёвку он снял с плеча кольцами. Я поднял правую руку. Он обнёс меня петлёй под мышками и затянул узел на спине. Верёвка легла на левое плечо, на шов, и шов ответил горячим.

— Ниже.

Он спустил петлю на рёбра. Второй конец намотал себе на пояс и полез первым. Лампа висела у него на крюке, в проволочной сетке.

За канатом Сейл открыл папку и вписал в неё одну строку.

Скобы в старой кладке были ржавые и скользкие. Правой я брался за скобу, ногой нащупывал нижнюю, переносил вес и отпускал руку. Левую прижимал к боку локтем. На середине шахты известь взяла за горло, я закашлялся, и кашель ушёл под рёбра. Висел на правой, пока не отпустило. Ефрейтор снизу ждал и верёвку не дёргал.

Вода в коллекторе стояла чёрная, по колено. Холод прошёл через голенища сразу. Течения не было. Мы шли за сапёрами по дну, пробуя каждый шаг: под водой лежали обломки.

Завал перегородил коллектор до свода. Бетон, арматура, доски, чей-то стул с гнутой спинкой. Сапёры встали в ряд и били ломами в одно место у воды, по очереди.

Справа из бетона торчал угол стального листа. Я стёр с него известь рукавом. Под известью шли буквы, трафаретом: «...ительный узел 4».

Дверь сорвало с петель и вмяло в завал вместе с косяком.

— Здесь, — сказал я. — Проём за ней.

Старший сапёр посмотрел на ефрейтора. Ефрейтор кивнул.

Ломы перешли к двери. Бетон крошился и падал в воду. Из щели потянуло сыростью и старым паром, кислым, застоявшимся. Пар в насосной сел две с половиной недели назад, запах остался.

Старший упёрся ломом в плиту, второй подсунул свой под низ, и плита съехала в воду.

Ефрейтор снял лампу с крюка и просунул в пролом руку со светом.

Луч прошёл по воде, по трубам в обхват, по мёртвым манометрам. Одно уцелевшее стекло блеснуло. Потом луч дошёл до середины и остановился на чугунном колесе в слое серой пыли.

Я шагнул через пролом.

Пол насосной лежал ниже коллектора, и вода по эту сторону поднялась мне выше колена. Я нашёл дно и постоял, пока за спиной не натянулась верёвка. Ефрейтор пролез следом, с лампой.

Сапёры вошли за ним, и насосная собралась из пятен света. Круглая. Пульт кренился к воде. Над дальней половиной свод треснул, плита перекрытия там села на ладонь и лежала на трубах. Из трещины сыпалась струйка извести и шуршала о воду.

Колесо стопорного вентиля стояло у стены, на чугунном фундаменте, на ступень выше пола. Вода туда не доходила. На ступени, под колесом, лежало серое, в пыли.

Пахло известью, а под ней шло сладкое и тяжёлое. Ефрейтор натянул на нос ворот шинели.

Гвардейца у входа и ошпаренного у трубы нашли первыми, в воде, и вынесли в коллектор на брезенте.

Хоффман спустился к одиннадцати, с фельдшером и носилками. Сначала посмотрел на трещину в своде, потом на ступень.

Фоглер лежал на боку, поджав колени. Сюртук на нём посерел, волосы тоже. Правая рука вытянута по ступени к колесу, пальцы разжаты. Обод висел выше и дальше, чем они.

Хоффман достал рулетку в латунной коробке. Зацепил крючок за обод, повёл ленту вниз и приложил к ногтю среднего пальца.

— Два фута, — сказал он и записал в тетрадь, положив её на колено. — У стопорного вентиля. Рука к вентилю. До обода два фута.

Фельдшер развернул носилки.

Я пошёл назад, к пролому. Из бетона там торчала дверная петля. У петли я встал, как стоял той ночью: плечом к стене, лицом внутрь. Гвардеец тогда был в шаге от меня, у входа, и из пара я видел только его.

Потом я пошёл к колесу.

Раз. Вода у порога, дно ровное. Два. Три. Обломок решётки под водой, я переступил. Четыре. Пять. Пульт справа, край стойки у локтя. Шесть. Семь. Дно пошло вверх. Восемь. Девять — колено упёрлось в чугун ступени.

Я стоял над его рукой. Обод был у меня на уровне груди.

— Свод, Ваше Высочество, — сказал Хоффман. — Фельдшер, накрывайте. Перед подъёмом закрыть все стопоры, мне не нужна через неделю вода из магистрали на голову. Ты. Колесо.

Сапёр поставил лампу на пульт, поднялся на ступень, обойдя руку, и взялся за обод двумя руками. Упёрся ногой в фундамент. Я ждал, что колесо упрётся.

Колесо пошло сразу. Скрипнуло сухо, прошло четверть оборота и встало в упор. Сапёр даже не перехватил рук.

— Закрыт.

На сером чугуне от его ладоней остались две тёмные полосы.

Над дальней половиной хрустнуло, глухо, как ломают сырую доску. Плита на трубах просела ещё, струйка извести стала сплошной и пошла вниз облаком. Стойка крепи в проломе выгнулась. С неё сорвалась балка и ушла в воду у двери.

Сапёр у пролома закричал. Балка легла ему поперёк голени, под водой, и прижала ко дну. Он бил руками по воде и не мог подняться.

Лом стоял у трубы. Я взял его правой, сунул остриё под балку, туда, где она лежала на обломке плиты, и налёг. Балка не пошла. Я лёг на лом грудью.

Левая вышла из бандажа сама и легла на лом рядом с правой.

Балка поднялась на ладонь. Ефрейтор схватил сапёра под мышки и потащил на себя, спиной вперёд, и верёвка между нами дёрнула меня за рёбра.

В плече лопнуло, коротко, как нитка на пуговице. По рукаву под шинелью потекло тёплое, к локтю.

— Бросайте!

Балка упала в воду и окатила мне лицо.

Сапёр сидел в коллекторе на обломке и держал ногу обеими руками. Фельдшер ощупал голень через голенище: кость цела. Потом вдвоём с Хоффманом они подняли Фоглера на носилки. Он не разогнулся. Брезент лёг поверх, и с краю под ним остался угол вытянутой руки. Фельдшер прижал угол ладонью. Угол остался.

Носилки ушли к пролому.

Я стоял у колеса. Левую заправил обратно в бандаж, она легла туда не с первого раза. Рукав был мокрый изнутри.

Правую ладонь я положил на обод. Чугун был холодный и шершавый от извести, гладкими остались только полосы от рук сапёра.

Хоффман окликнул меня из пролома, против света:

— Камера, где стоял узел, выше, по технической лестнице. Мои туда пробились сверху. Идёте?

Фельдшер перетянул мне плечо на нижней площадке лестницы. Рубаху резать не стал, пустил бинт поверх, туго, и пальцы в бандаже занемели. Сказал, что мне наверх, к хирургу. Я застегнул шинель на здоровую сторону.

Дальше ступени обломились, и корпус повесил вниз верёвочную лестницу. Сверху, из колодца, падал серый свет. Я лез правой рукой и коленями.

Двери лаборатории, бывшей бойлерной, стояли распахнутые, как я их оставил той ночью. Под ногами хрустели осколки дуговых ламп. Свет давали фонари корпуса на крюках.

Стальной стол лежал на боку. Сердце стекло с него на бетон и застыло: корпус осел сам в себя, медь ушла языками к ножкам. Пахло окалиной.

Край столешницы, у которого тогда лежали её капли, был теперь внизу, в пыли.

Хоффман простучал корпус ломиком, от края к середине. Звук выходил глухой, без звона.

— Лом. Медь сдать по весу, прочее в отвал.

Монтажник записал это мелом на крышке ящика. Ящики корпус спустил с утра: светлые доски, внутри стружка, на каждом пустая белая пломба, ещё не обжатая.

Я снял фонарь с крюка и опустил к центральному пазу.

Кольцо сидело там. Медь наползла на него с одного бока и закрыла край. Золото потемнело под окалиной и почти сравнялось цветом с медью.

Той ночью оно было вишнёвое, и за пядь от него жгло ладонь. Теперь от него тянуло холодом. Я тронул его пальцем.

Сейл сошёл на пол и встал у стола. Посмотрел на корпус, потом на паз. Долго, наклонив голову.

— Вещественное доказательство по делу об обрушении, — сказал он. — Оператор показала, что поставила регулятор в центральный паз и вывела узел в форсаж. Это тот узел и тот регулятор. Упаковать в ящики поверки, опечатать, отправить в Столицу на экспертизу. Регулятор отдельно.

Хоффман пожал плечами.

— Хотите лом — забирайте лом.

— Инженер-полковник, узел остаётся в городе. — Бинт под шинелью натянулся, когда я выпрямился. — Под охрану гарнизона.

— Мандат комиссии распространяется на всё, что связано с обрушением, — сказал Сейл. — Гарнизон может охранять. Решает комиссия.

— Узел принадлежит лавке в Тупике Медных Игл. Магистрат вынес его оттуда без акта.

— Заявление владелицы комиссия примет. Когда её допустят к подписи.

— Кольцо моё. Я носил его на руке.

Сейл перевернул лист в папке.

— Документ о праве собственности у вас есть? Опись, клеймо в реестре, дарственная?

— Нет.

— Как регулятор попал в узел?

— Меня обыскивали после дамбы. Кольцо я снял сам.

— Опись обыска?

— Была у Фоглера.

Сейл посмотрел на трещину в потолке, над которой лежал весь Магистрат.

— Я запишу ваше заявление и приложу к описи. Оно поедет вместе с кольцом. — Он раскрыл папку на колене, поставив ногу на обломок. — В Столице разберут.

Хоффман кивнул монтажнику.

Ломик вошёл между медью и золотом, соскочил и чиркнул по меди светлой полосой. Монтажник упёр его в край паза и надавил всем весом. Хрустнуло. Кольцо вышло с куском меди, прикипевшим к боку, и звякнуло о бетон. Монтажник поднял его двумя пальцами и положил в малый ящик, на стружку.

Сейл присел у обломка, зажёг спиртовку и развернул палочку сургуча. Монтажник тем временем закрыл крышку и обтянул её шнуром крест-накрест, концы продел в пломбу.

Сургуч над огнём обвис. Капля легла на узел шнура густо и закрыла его целиком. Сейл подышал на печатку и прижал. Отнял.

Сургуч был белый.

— Поднимайте к путям. Корпус узла — в длинный. Опись подпишу наверху.

Малый ящик обвязали верёвкой. Монтажник крикнул в колодец. Ящик оторвался от пола, качнулся, стукнул углом о перила и пошёл вверх, в серый свет.

Я смотрел, пока он не ушёл за край колодца.

К хирургу я не поехал. Стемнело, Рэй ждал с машиной у каната.

Рубаха присохла к плечу. На выбоинах машину встряхивало, рубаха отрывалась от кожи по краю бинта, и под ним опять теплело.

— Через Тупик, — сказал я.

До рампы по набережной было ближе. Рэй сбросил ход и свернул.

У колонки стоял часовой комиссии, фонарь на ремне. Он поднял его на фары и прикрыл глаза ладонью. Рэй остановил машину, мотор глушить не стал.

В лавке горело окно над прилавком. Лампа стояла низко, и свет лежал на стекле жёлтым пятном до половины рамы.

— Подъехать к двери, Ваше Высочество?

Я взялся правой за ручку дверцы. Манжета на левом рукаве стояла колом, бурая, и пахла железом.

Два раза в заднюю дверь, костяшкой. Она откроет, увидит рукав и…

Ручку я отпустил.

— На рампу.

Рэй сдал назад до угла. Свет из окна ещё полежал на мокрой брусчатке и пропал.

На товарной рампе фонари горели через один. Паровоз стоял под парами в голове состава и выпускал пар из-под колёс толчками.

Вагон с раскопа стоял против фонаря, крытый, дверь откачена. Солдаты гарнизона носили ящики по сходням. Длинный несли вшестером, на ремнях, и сходни под ним прогибались. Малый один солдат нёс у груди и на повороте в дверь придержал его подбородком.

Конвой шёл по моему наряду, до сдачи у вагона.

Начальник конвоя, лейтенант гарнизона, подошёл и откозырял.

— Погрузка к концу, Ваше Высочество. Всё по описи.

У вагона стоял писарь в шинели комиссии, с планшетом. Под зажимом лежала накладная, три листа через копирку. Писарь подал планшет лейтенанту и показал графу.

— Подпись о сдаче у вагона. Здесь.

Лейтенант расписался на колене. Я встал у его плеча. Писарь забрал планшет и прижал к груди, накладной внутрь.

— Бумага для конвоя. Получатель по реестру поверки.

— Я командую конвоем.

— Конвоем, Ваше Высочество. Грузом комиссия.

Лейтенант посмотрел на писаря, потом на меня. Протянул к планшету руку, ладонью вверх.

— Экземпляр конвоя остаётся конвою. По уставу.

Писарь подержал планшет ещё. Потом отстегнул зажим и отделил от копирки нижний лист. Лейтенант сложил его вдвое и протянул мне.

— Наряд ваш. Экземпляр ваш.

Копирка пропечатала лист с синим ореолом вокруг каждой буквы. Я встал под фонарь, положил блокнот на левую ладонь, на бандаж, и прижал большим пальцем.

Номер вагона. Я переписал его цифру под цифрой и поднял глаза на жестяную табличку на борту, в копоти. Сошлось.

Маршрут: Ривенхольд — Столица. Первым эшелоном.

Получатель: по реестру поверки. Этого я переписывать не стал.

Серия пломб, одна на все места, с первого номера по последний. Переписал два раза, второй сверяя по буквам. Писарь стоял рядом и смотрел мне в карандаш.

В правом верхнем углу стоял штамп, прямоугольный, вкось. Я наклонил лист к фонарю.

«Вне очереди».

Лист я сложил по сгибу лейтенанта, сунул в нагрудный карман шинели, к письму, и застегнул клапан.

Дверь вагона покатили по направляющей до упора. Лейтенант продел в скобы проволоку и обжал пломбу клещами.

Паровоз дал пар.

Я раскрыл блокнот и под серией пломб дописал последнюю строку.

«Вне очереди».

Глава 9. Ночью наоборот

Из окон второго этажа вываливался пар и оседал на карнизе каплями. На третьем стояли настежь все четыре окна, и из крайнего кто-то махал на улицу полотенцем, как веником.

Сюда я уже ездила, в карете, с кофром на коленях. Воздух тогда был чистый, пах кофе. Сегодня с тротуара тянуло горелой краской: наверху она пузырилась на рёбрах радиаторов.

Управляющий прислал за мной мальчишку в десятом часу.

— С утра одиннадцать квартир, — сказал управляющий. — Корпус пишет «в допуске». Мне нужно, чтобы к обеду перестали жаловаться.

— А отчего жарко, вам не нужно?

— Мне нужно, чтобы перестали, госпожа Вандерхольт.

На углу из мостовой поднимался новый клапан корпуса: кожух в свежей серой краске, манометр под стеклом, на маховике белая пломба. Рядом курил в кулак техник корпуса, с журналом под мышкой. От клапана в дом уходил стояк, по стене, вплотную к водосточной трубе, на общих хомутах.

Клапан мне трогать нельзя. Стояк за ним тоже. Водосток жестяной, домовой, и в описи комиссии его нет.

Контактный термометр я прижала к водостоку у самого хомута и примотала проволокой. Жесть через хомут отдаст меньше, чем держит стояк. Сколько покажет, столько и ещё сверху.

Ртуть поползла. Часы я открыла и положила на ладонь.

Техник бросил окурок и подошёл.

— Кто вам разрешил мерить у клапана?

— У клапана никто. — Руку с трубы я не сняла. — Я меряю водосток. А у вас вон с третьего этажа пар валит, и ему тоже никто не разрешал. Его запишите первым.

Техник поглядел на пар, вернулся к клапану и постучал ногтем по стеклу манометра. Стрелка не шелохнулась.

— Двести ровно. В допуске. Узел поставлен, принят, опломбирован. Жалобы — к домовому хозяйству.

Ртуть шла вверх и вставать не собиралась.

В стояке ударило, глухо, как кувалдой в мешок с песком, и хомут под проволокой звякнул. Наверху с треском распахнулась рама, стекло посыпалось на карниз, и из окна вывалилось белое облако. За ним закричали в два голоса. Один был старый и высокий.

Часы на ладони показывали без восемнадцати одиннадцать. Я сунула их в фартук и побежала.

В подъезде стояла баня, с перил текло. Жильцы в халатах жались на площадке второго этажа. Дверь на третьем была открыта.

В комнате пар висел до потолка. Из верхней пробки радиатора била струя, со свистом, веером в угол. В углу на кровати сидела старуха в чепце, поджав ноги, и держала у горла край одеяла.

— Сидите, — сказала я. — В пар не вставайте.

Полотенце с гвоздя я окунула в кувшин на умывальнике и намотала на левую кисть, в три оборота.

Вентиль на подводке сидел у самого пола, латунный барашек. Я присела под струю, пар свистел над ухом. Взялась полотенцем за барашек и повернула.

Барашек стоял. Прикипел.

Гипсом я упёрлась в пол и налегла на левую всем плечом. Полотенце скользило по латуни. Я поймала край ткани под крыло барашка, повернула ещё, и в резьбе хрустнуло. Четверть оборота. Струя качнулась, пошла ниже, и край её прошёл мне по руке, над полотенцем.

Руку дёрнуло к груди. Я вернула её на латунь. Четверть. Ещё. Свист сел на тон, на второй, струя опала и забулькала по рёбрам.

Радиатор щёлкнул и затих.

Старуху я вывела на лестницу за локоть, через одеяло. В дверях она обернулась.

— Подушка там намокла.

— Высохнет.

На ступеньке я размотала полотенце. Кожа над ним, на два пальца шириной, стала красная и блестящая, у косточки вздувалось белым. Женщина в халате сунула мне полосу чистой простыни. Я обмотала запястье мокрым полотенцем, поверх простынёй, и затянула узел зубами.

Внизу ртуть стояла на ста восемнадцати. По таблице к двумстам на клапане стояку положено градусов девяносто. Жесть через хомут отдала больше.

Техник писал у водостока, раскрыв журнал на колене.

— Вандерхольт, — сказал он, не поднимая головы. — Через «д»?

— Через «д».

— Адрес.

— Тупик Медных Игл.

Цифры у него выходили крупные, и я прочла их с шага: «10.42». Рядом шла моя фамилия. Адрес я назвала раньше, чем подумала. Впрочем, управляющий сказал бы и так.

Повестку я развернула на колене оборотом вверх. Карандаш в левой держался плохо. «10.42. Верх. город. Водосток у стояка 118. Клапан 200». Строка съехала вниз, как все мои строки теперь.

Проволоку я смотала на палец. От угла по склону, к реке, уходила магистраль: люки через каждые сорок шагов, вокруг каждого светлая свежая брусчатка. Я пошла по люкам вниз. У каждого присаживалась и клала ладонь на свежий камень, и спуск к реке занял у меня полдня.

В портовую насосную я спустилась к трём. С потолка там капало на кафель у щита. За стеной стояли склады солёной рыбы, и пахло рыбой, а под ней мазутом.

Три насоса работали, пол под подошвами гудел. Щит занимал всю стену: двенадцать манометров в латунных ободках, стёкла в соляном налёте.

Дежурный инженер корпуса шёл вдоль задвижек с картонкой в руке. У каждой он нагибался, трогал шток ладонью и ставил на картонке галочку. Шинель расстёгнута, щёки в щетине. У последней задвижки он развернулся ко мне.

— Посторонним нельзя.

— Инженер. Вандерхольт.

Я подала повестку лицевой стороной. Он прочёл её от шапки до подписи, держа за края.

— Комиссия. По Магистрату?

— По Магистрату.

Он сложил повестку по её сгибам и вернул.

Стрелки на щите дрогнули. Сели все разом, на одно деление, постояли и сели ещё на одно. На крыше взвыла сирена, низко, потом выше. Инженер глянул на часы над щитом и пошёл к конторке, не бегом.

Записал в журнал строку и прошёл задвижки заново, с первой, трогая каждый шток. Насосы под полом взяли ниже тоном. Сирена стихла. Стрелки остановились там, куда сели.

— Сто девяносто шесть было, — сказал он щиту. — Сто восемьдесят.

— Покажите журнал.

— Нет. — Он закрыл журнал и положил на него ладонь. — Лицу под следствием документы корпуса не показывают. Это у меня в инструкции, на второй странице.

— Минуты падений. Больше ничего.

— Документы корпуса.

Он стоял, ладонь на журнале, и смотрел на щит. Я не уходила.

С потолка капнуло ему на рукав. Он стряхнул каплю, открыл журнал, повернул его к себе корешком, так, чтобы мне не было видно ни строчки, и повёл пальцем.

— Читать вслух инструкция не запрещает.

— Читайте.

— С утра. Восемь пятьдесят. Минус девять на коллекторе. Девять тридцать одна, минус двенадцать.

Минуту он читал вперёд, цифру следом. Я молчала.

— Десять сорок две. Минус восемнадцать.

Под большим пальцем у меня стояла карандашная строка. «10.42».

Он поднял глаза от журнала и увидел, куда я смотрю. Палец его вернулся на строку.

— Десять сорок две, — прочёл он ещё раз, медленнее. — Минус восемнадцать. Самое большое за день.

Одна минута. Давление в городе с утра скачет где попало, и какая-нибудь из его минут всё равно легла бы на мою.

— Дальше.

— Двенадцать ноль пять, минус семь. Час сорок, минус десять. Три ноль девять, минус шестнадцать. Это вот сейчас было.

С потолка упала капля и стукнула о его картонку.

— Всё поставлено по чертежу, — сказал он. — Я сам принимал. Задвижки открыты, насосы на ходу. Утечки нет, я обошёл трассу по люкам до самых складов. А давление уходит. Куда — не знаю.

Из кармана шинели он вынул черновик, книжку в клеёнке, распухшую от сырости, вырвал листок и стал писать на конторке, согнувшись. Все минуты столбиком, против каждой — сколько ушло. Под последней провёл черту.

Листок он подал мне так же, как вернул повестку, за края.

— Это из моего черновика. Журнал при мне.

— Поняла.

Листок я положила на повестку, исписанным к исписанному, чтобы его «10.42» легла на мою, и убрала во внутренний карман. Запястье под простынёй дёрнуло, когда я застёгивала куртку.

Вверх, к Стим-авеню, я шла долго, с остановками.

На Стим-авеню, под уличными часами над аптекой, четверо держали в руках свои карманные. Мужчина в котелке тряс свои у уха.

— Шесть! — Он ткнул вверх. — А я с вокзала иду. На вокзальных без двенадцати было.

— Вокзальные врут, — сказала женщина с корзиной.

— Мои тоже врут? Я их утром ставил!

Я открыла свои. На моих было без одиннадцати шесть. Котелок выругался и сунул часы в жилет, не закрыв крышку.

Повестку я приложила к стене аптеки, под витриной с банками. «Стим-ав., часы над аптекой +11». Хоть кто-то в этом городе торопится.

Часовой у колонки поднял фонарь на мою руку и опустил. Входную я дотолкала плечом.

В мастерской было темно и тепло. Бернард стоял у двери подвала, окуляры тлели.

Лампу я поставила на пол, фитиль пониже. Простыню с запястья срезала ножом и замотала руку бинтом из кофра, от ладони до середины предплечья. Пузырь у косточки лопнул, и бинт сразу промок.

Села я на пол, в двух шагах от него, с той стороны, где до ленты дальше. Часы открыла и положила перед собой, рядом листок инженера.

Бернард не шевелился. От корпуса шло тепло, как от печки, протопленной днём.

В шесть пятьдесят одну у него внутри щёлкнуло.

Шея пошла вправо, свои десять градусов, и встала. Окуляры ушли от ленты в стену. Потом клешня в брезенте сдвинулась по полу, упёрлась, и он повёл за ней весь корпус. Гусеница провернулась на обрезке, обрезок скрежетнул по доскам и поехал вместе с ней.

— Стой, — сказала я.

Он довернул. Встал боком к двери, окулярами в угол наружной стены.

Стальную линейку я стянула с верстака, не вставая. Приложила вдоль гусеницы, с дальнего от двери бока, придавила гипсом и провела мелом по ребру. Потом повела линию дальше по доскам, на четвереньках, опираясь на гипс. Линия пошла через мастерскую наискось, мимо верстака, и упёрлась в наружную стену у самого угла.

За этим углом был Тупик, за Тупиком спуск к набережной. Дальше вода и доки.

Я не успела подняться с колен.

С реки, из-за крыш, дошёл вой. Далёкий, тонкий, он поднялся на второй тон. Сирена портовой насосной.

Минутная стрелка у меня на часах стояла на пятьдесят второй.

Сирена выла, пока я ползла обратно к лампе, потом осела и стихла. У Бернарда опять упёрлась клешня, обрезок проскрежетал назад, и он встал к двери, как стоял.

У начала линии, там, где был бок гусеницы, я написала: «18.51 пов. 18.52 сир.».

Совпадение, наверное.

Листок инженера лежал у лампы. Последней у него стояла «15.09». Я провела ногтем под его чертой, туда, где листок был чистый.

Ждать пришлось полчаса. Забинтованную руку я держала на колене ладонью вверх, чтобы бинт не тёрся.

В семь двадцать три щелчок повторился.

Шея, клешня, корпус. Обрезок поехал по той же борозде, какую процарапал в прошлый раз. Он встал боком к двери, окулярами в тот же угол. Мел я положила на доски у его гусеницы, вдоль бока, и мел лёг на мою первую линию.

Минутная стрелка переползла на двадцать четвёртую.

С реки завыло.

Вой осел. Едва он стих, Бернард дал ход назад, к двери, обрезок по борозде.

Рядом с первой линией, в палец от неё, я провела мелом вторую, короткую, и загнула ей остриё к углу.

Без пяти три я сидела на раскладушке, спиной к прилавку, с одеялом на плечах. Лампа стояла на полу, фитиль прикручен до синего, и в её свете были видны часы на подушке, открытые.

Батарея над изголовьем грела. От неё к полу шли две трубы, вдоль стены. Левую ладонь я держала на подающей. Правая лежала на обратке. Из гипса торчали пальцы, и их подушечки легли на трубу, сколько вышло.

Подающая была горячая, держать можно, если не отнимать. Обратка тёплая.

Старая меловая полоса шла по стене от батареи вниз и уходила к полу у прилавка. Её никто не стёр. Часовой утром светил только на пломбу.

Без двух. Без одной.

У двери подвала тлели окуляры.

Ровно в три в трубах стукнуло. Раз, в стене за батареей, как пустой кружкой о стол.

Под левой ладонью подающая пошла остывать. Медленно, от ладони вниз. Горячее уходило из-под кожи, и на его место приходил просто чугун, потом холодный чугун.

Правые пальцы молчали. Я надавила сильнее, так, что гипс упёрся в стену. Молчали. Потом, позже, чем надо, подушечки взяло теплом. Обратка грелась. Горячее шло по ней снизу вверх, от пола к батарее.

У двери в Бернарде щёлкнуло, два раза подряд.

Он стоял на своём месте, куда вернулся после второй сирены.

Руки я сняла с труб. Левую опустила вниз, между раскладушкой и стеной, и положила ладонью на половицу у изголовья.

Доска была тёплая. Тёплая, потом тепловатая. Потом просто доска, сухая, с занозистым краем, и холод пошёл в неё снизу, из-под пола.

Я потрогала ладонью доску у изголовья, потом доску у ног. У изголовья было теплее. Труб под раскладушкой не было вовсе.

Я встала, взяла из фартука мел в левую и пошла вдоль старой полосы, левой по кирпичу. Под чертой кирпич был горячий, горячее, чем вечером. Горячее шло там же, где позапрошлой ночью, в черту до пальца, от батареи вниз и дальше к двери подвала.

Той ночью я проснулась от ног, и чугун над головой был уже ледяной. Во сколько он остыл, я проспала.

У батареи, под началом старой черты, я написала крупно: «3.00». Мел скрипнул на последнем ноле и сломался.

Раскладушку я взяла за край левой и потащила. Ножки ехали по доскам с визгом, одеяло сползло. Бернард повернул окуляры на визг. Я протащила её вдоль прилавка, мимо верстака, к наружной стене, в угол, куда упёрлась меловая линия, и поставила у кирпича, дальше от ленты, чем стоял он.

Кирпич здесь был горячий. Я отняла ладонь и приложила снова.

Одеяло я подняла с пола и легла, не раздеваясь. Левую положила на кладку, ладонью, и не убирала.

Грело.

Глава 10. Версия саботажа

Копию карты Красса Хоффман прибил к побелённой стене на четыре гвоздя, по углам.

Ленточки он резал из красной тесьмы, ножом, на весу. Каждую завязывал на булавке под флажком и тянул за концы.

— Верхний город, доходный дом у нового клапана, — сказал он. — Перегрев квартала, пробку радиатора сорвало на третьем этаже. Клапан двести, в допуске.

Узел. Концы.

— Доки, портовая насосная. Давление на коллекторе садится по восемь раз за сутки. Узлы в допуске.

Узел.

— Стим-авеню. Уличные часы над аптекой ушли вперёд на одиннадцать минут. Первый узел, в допуске.

Четвёртую ленточку он повязал ниже, у самой реки.

— Тупик Медных Игл. Жалобы жильцов: ночью батареи стынут, к утру греются. Оба двора в допуске.

Хоффман убрал нож в карман.

Все четыре акта, позавчерашним числом, я получил под роспись в реестре курьера. На стене под каждым красным хвостом стоял флажок «поставлен, норма».

Лангфорд сидела посередине стола, собранного из двух, пальто на спинке стула. Перед ней лежали те же акты. Я сел с краю, у шва между столешницами, в два приёма: бинт под шинелью тянул плечо, пока я не упёрся правой в столешницу.

— Инженер-полковник. Ваше объяснение.

— Нет у меня объяснения, — сказал Хоффман. — Узлы стоят по чертежу, я их сам принимал. Отклонения идут на соседних точках, там, где мы ничего не трогали.

— Тогда мне нужна версия, — сказала Лангфорд. — К вечеру. До морозов мне надо знать, какую задвижку закрыть и какую бригаду куда послать. По списку симптомов я не пошлю ни одной.

Я положил на стол правую ладонь, рядом с актами.

— Предлагаю записать так: причина не установлена. Замеры продолжить на всех четырёх точках, по два раза в сутки.

— Замеры я продолжу в любом случае, — сказал Хоффман. — А в графу причины мне писать нечего.

Лангфорд кивнула секретарю, и он вписал это.

Сейл сидел у дальнего края стола, с журналом в клеёнке на колене. Журнал он открыл на закладке и повернул к Лангфорд.

— Журнал обхода корпуса, госпожа председатель. Верхний город, пост у нового клапана. — Он повёл пальцем. — «Десять сорок две. У водостока при стояке узла производила замер посторонняя, с прибором, примотанным к трубе. Вандерхольт, Тупик Медных Игл». В десять сорок две в квартале сорвало пробку.

Лангфорд прочла запись сама, водя ногтем. Сейл уже доставал из папки выписку.

— Портовая насосная. Журнал дежурного инженера. «Пятнадцать ноль девять, минус шестнадцать на коллекторе. В насосной находилась А. Вандерхольт, предъявила повестку комиссии».

Правая ладонь у меня лежала на столе. Я её не убрал.

О том, что она ходит по чужим клапанам, я узнал сейчас, вместе с секретарём. Пост у её двери поставила комиссия, и доклады его ложатся на этот стол.

— Отстранена от узла под лавкой, — сказал я. — Про уличные трубы в распоряжении ни слова.

— Совершенно верно, Ваше Высочество. — Сейл закрыл журнал и отдал его Хоффману через стол. — Отстранена она от одного узла. Замеряла два других. В минуту отказа.

Хоффман журнал не открыл. Техник был его.

Сейл встал и пошёл к карте. Из папки он вынул деревянную линейку, в пол-аршина, с медной окантовкой. Приложил один конец к булавке у реки, к Тупику, второй повёл к Верхнему городу. Потом он повернул линейку на Тупике, как на оси, и довёл до доков. Потом до Стим-авеню.

— Все четыре отказа — на линиях от Тупика.

— По этим линиям идёт магистраль, — сказал Хоффман.

— Именно. От Тупика.

Я ждал, что Хоффман скажет дальше. Он посмотрел на карту и промолчал. Линейка осталась у Сейла в руке, прижатая к картону у Стим-авеню, пока Лангфорд не заговорила.

— Запишите, — сказала она секретарю. — Рабочая версия. Вмешательство в работу сети со стороны объекта в Тупике Медных Игл. Проверить.

— И моё предложение, — сказал я.

— Ваше предложение в протоколе, Ваше Высочество. Выше.

Секретарь дописал и поставил точку. Лангфорд перегнулась через стол, прочла строку вверх ногами и подписала на полях.

— Перерыв до одиннадцати. Господин Сейл, после перерыва прошу материалы по оператору.

— Будут, госпожа председатель.

Секретарь сложил протокол в папку и вышел, Хоффман и Сейл следом.

Я подошёл к стене.

Окантовка продавила картон, и от Тупика веером расходились три вмятины. Ленточка у Тупика висела ниже других. Хоффман затянул её туже, и концы легли на реку.

Сейл вернулся в одиннадцать без двух, следом за Лангфорд. Сел на своё место и положил перед собой две тетради, одну на другую, связанные крест-накрест бечёвкой.

Нижняя была толще, картонная корка на ней лопнула по корешку. У верхней загибались углы.

Пять суток назад они стояли у неё на полке у лестницы в подвал. Я их ни разу не снял.

Сейл развязал узел, смотал бечёвку на два пальца и положил моток рядом. Верхнюю тетрадь он отодвинул к локтю. Нижнюю, толстую, раскрыл с начала. Сбоку из неё торчала полоска бумаги.

— Рабочие записи оператора, изъяты по акту, — сказал он секретарю. — Читаю выборочно. «Утро. Сорок один. Провал на четвёртом такте». — Перевернул. — «Вечер. Сорок. Провал на четвёртом». И дальше так же, страница за страницей, утро и вечер. Это можно пропустить.

Он отлистал до полоски.

— Вот. «Нагрузка ушла на Литейную ветку. С квартала за Кожевенной сняло». — Он поднял глаза на Лангфорд. — Частное лицо без допуска распределяло нагрузку по кварталам. Решало, какому кварталу ночью греться. И записывало.

Лангфорд подалась вперёд.

— Каким образом?

— Об этом тетрадь молчит, госпожа председатель. Здесь только что и когда.

Хоффман сидел у карты, боком к столу, и крутил в пальцах незажжённую папиросу.

Я встал и подошёл к Сейлу вдоль стола.

— Дайте мне тетради.

— Ваше Высочество?

— Я читал сводки этого сектора двенадцать лет, сначала младшим Смотрителем. Прочту быстрее.

Сейл взял раскрытую тетрадь обеими руками за края и поднял к моему лицу. На ширину ладони от глаз. Из рук не выпустил.

Буквы валились вправо, каждая на соседнюю. Четвёрка лежала на боку. Строки съезжали книзу, к концу страницы на целую клетку. Подпись её правой рукой я видел под протоколом досмотра: крупная прямая «В», росчерк коротко вверх. Эту страницу писала левая.

— Материал дела, Ваше Высочество, — сказал Сейл. — В журнале монтажа на Стимавеню записано: командующий вмешался в приёмку снятого. Я бы не хотел, чтобы в деле появилась вторая такая строка.

Он опустил тетрадь на стол.

Я вернулся на своё место. Правая ладонь легла на край стола, пальцы вошли в шов между столешницами. Край был не струганный, с заусенцем.

Первую тетрадь Сейл закрыл и взял вторую. Остановился ближе к концу, где загибались углы.

— «Если снять перемычку — квартал встанет. Значит, её не снимут».

Он прочёл это ровно, как утренние замеры. Потом прочёл ещё раз.

— Оператор знает, какую перемычку вынуть, чтобы встал квартал. Какую именно, в тетради не записано.

Лангфорд протянула руку, и Сейл отдал ей тетрадь.

Она читала долго. Потом отлистала назад на три страницы, к утренним замерам, и провела ногтем по столбцу цифр сверху вниз.

— Перемычка в сети или в узле под лавкой?

— Не сказано, госпожа председатель.

Лангфорд положила тетрадь перед секретарём, раскрытой на перемычке.

— Перепишите страницу в дело. Целиком, с цифрами.

Секретарь взял чистый лист и стал писать. Он копировал её строки слово в слово, и четвёрка у него выходила прямая. Мне было видно, как он пропускает её кривые переносы и ставит свои, по полю.

Заусенец вошёл мне под ноготь. Я держал.

Секретарь дописал, поставил внизу «верно», свою подпись и прижал лист промокашкой.

Сейл забрал тетрадь, закрыл и положил на первую, корешок к корешку. Бечёвку он размотал с пальцев и обвёл крест-накрест, как было, и затянул узел. Тетради ушли к нему в папку.

Я отпустил край стола. На подушечке среднего пальца сидела заноза, тёмная, под кожей.

Печку в кабинете к вечеру не топили. Сводки патрулей за день лежали справа, разобранные.

В начале десятого в дверь стукнули один раз.

Сейл вошёл один, с папкой под мышкой, и закрыл дверь сам. Задержал ручку, пока язычок не сел в паз.

— Ваше Высочество. Без протокола, если позволите.

Он сдвинул мои сводки на край двумя пальцами и выложил на их место лист.

Бланк оперативного канала Директората, серый, с номером в углу. На бланк наклеены три полоски телеграфной ленты, одна под другой.

«Цель номер два. Аделин Вандерхольт. Статус: саботаж магистрали. Код уничтожения подтверждён».

На мостике офицер перевёл визор на неё и прочёл это тем же голосом, каким солдат перед ним читал про меня. Потом загудели деструкторы.

Ленту клеили внахлёст, и буква «м» на стыке ушла под соседнюю полоску наполовину.

— Код никто не отзывал, — сказал Сейл. — Я говорил вам в первый день. Директорат считает его в силе.

— Помню.

— Сегодня комиссия записала рабочую версию. Вмешательство из Тупика. Протокол я обязан отправить в Директорат с выпиской из дела, и страница из её тетради стоит в выписке. — Он поправил бланк по краю стола. — Статус в коде — саботаж магистрали. Гражданская комиссия пишет то же, своими словами, с цифрами. Директорату останется подтвердить подтверждённое. Исполнение станет вопросом одной телеграммы, Ваше Высочество. Обратной.

Карандаш я положил вдоль бланка. Правая сама прошла по нагрудному карману до пуговицы. Под клапаном лежали письмо и накладная, углы упёрлись в пальцы.

Протокол подписан до полудня, выписка заверена. Отстучать их — час работы телеграфиста. Мой код Столица в ту ночь подтвердила за восемь часов. К утру обратная может лежать на телеграфе штаба комиссии. Кто её исполнит в городе, я не знал.

Лист без протокола кладут на стол тому, у кого хотят купить.

— Что вам нужно?

— Немного, Ваше Высочество. Оператор не подходит к новым узлам и к опечатанной двери до заключения комиссии. Отвечает за это командующий. Своей подписью.

— И страница.

— Страница остаётся в деле. В Директорат уходит протокол без выписки. Рабочая версия проверяется, проверка — дело долгое.

— Надзор мой. Пост за поднадзорной поставлю из Гвардии, личный. Комиссию я…

— Как вам удобнее, — сказал Сейл, не дослушав.

Пост он отдал сразу, даже не взглянув в папку. Ему была нужна подпись.

Ящик стола шёл туго, я подал его вверх. Под чистыми бланками лежал лист копирки, мятый по краю. Бланк, копирка, второй бланк. Стопку я выровнял по углу.

Ручка лежала у чернильницы. Колпачок я снял зубами, поставил на сукно ястребом вниз.

Стопку я придавил бандажом.

«Поручительство командующего. У лавки в Тупике Медных Игл выставить пост Гвардии. Гражданскую Вандерхольт к новым узлам сети и к опечатанной двери подвала не допускать до заключения комиссии. За нарушение отвечаю лично».

Перо царапнуло на «лично». Я довёл строку.

Илар Дюпре. Наследник.

Сейл наклонился над столом и подул на подпись. Потом поднял верхний бланк за угол и посмотрел на свет. Второй бланк взял буквы через копирку, синие и толще моих. Он остался у меня.

— Благодарю вас, Ваше Высочество.

Бланк с лентой он вложил в папку, не складывая.

— Дежурный! — сказал я в дверь. — Капитана Рэя.

Рэй пришёл через четыре минуты, с фуражкой в руке, и встал у стола спиной к Сейлу.

Приказ я писал при нём, на таком же бланке и через ту же копирку, теми же словами.

— Пост у лавки, — сказал я. — Двое, со сменой. Заступить к часу ночи. К узлам и к двери подвала её не пускать.

Рэй взял приказ и не убрал.

— Ваше Высочество. Она знает?

— Это приказ.

Он сложил лист вдвое, по-строевому, и сунул за обшлаг. Надел фуражку.

— Есть.

Сапоги прошли по коридору до лестницы и пошли вниз, через ступеньку.

Так, за её спиной, я уже решал за неё однажды. Рэй спросил то, о чём тогда надо было спросить мне.

Копии лежали передо мной, одна на другой, синие. Приказ о посте сверху.

Сейл расстегнул папку на столе, сначала нижнюю пуговицу. Тетради лежали внутри, связанные крест-накрест. Он распустил узел и снял бечёвку.

Поручительство он положил на верхнюю тетрадь, край в край, моей подписью вверх. Обвёл бечёвку вокруг всего, крест-накрест, и завязал.

Глава 11. Ваше Высочество

Во входную стукнули кулаком, три раза подряд. По окну над прилавком прошёл жёлтый свет и лёг на потолок полосой.

Спала я одетая, ладонью на кирпиче. Когда я села, бинт на левом запястье потянул за собой присохшую кожу. У двери подвала Бернард перевёл окуляры на стук и так и остался.

Часы лежали на полу у раскладушки. Я открыла их: без семи час.

Стукнули ещё раз.

— Иду.

Через мастерскую я шла без лампы, по краю верстака, и трещина в столешнице цепляла бинт. Засов подался со второго рывка. Дверь я потянула на себя, она проехала до середины и села нижним углом на порог. Я вставила в щель ногу и подпёрла её коленом.

За порогом стоял капитан Рэй с фонарём. На шаг позади него — двое гвардейцев, винтовки на ремнях, у обоих изо рта шёл пар. Фонарь Рэй держал низко, мне в колени, чтобы не светить в глаза.

— Госпожа Вандерхольт. Прошу прощения за час.

Из-за обшлага он вынул лист, сложенный вдвое, раскрыл его до половины и поднёс к фонарю.

— Приказ командующего. У лавки в Тупике Медных Игл выставить пост Гвардии. Гражданскую Вандерхольт к новым узлам сети и к опечатанной двери подвала не допускать до заключения комиссии.

Читал он в одну ноту, и на «гражданскую» голос у него не дрогнул.

Я протянула руку. Рэй опустил лист ниже и развернул ко мне, под свет, из пальцев не выпуская. Бланк Гвардии, чернила. Я прочла сама, от шапки. Нижнюю половину он загнул назад по сгибу и прижимал большим пальцем.

Дверь давила мне в колено. Я переступила, и угол съехал по порогу ещё на палец.

— Люди будут снаружи, — сказал Рэй. — В мастерскую не войдут. Это для вашей безопасности, госпожа Вандерхольт.

У колонки качнулся фонарь поста корпуса. Часовой смотрел на нас оттуда и не подходил.

— Кто распорядился?

Рэй перехватил фонарь в другую руку. Потом отогнул нижнюю половину листа и повернул её к свету, ко мне. Сам он смотрел на косяк.

«За нарушение отвечаю лично». Под строкой стояла подпись, узкая, с наклоном вправо. Той же рукой был написан листок, который я нашла однажды утром на верстаке под кружкой: «Без сопровождения. Я в Управлении».

Илар Дюпре. Наследник.

Лист я взяла у Рэя за угол, сложила по его сгибу, подписью внутрь, и отдала.

— Спасибо, капитан.

Он убрал лист за обшлаг. Одного гвардейца поставил к стене слева от двери, второго к углу, откуда видно окно. Приклады стукнули о брусчатку. Рэй смотрел, как я вынимаю ногу из щели, и руки к двери не протянул.

Без ноги дверь осела ещё и повисла на нижней петле. Я взялась левой за ручку, подняла её, сняла угол с порога и налегла плечом. Последний палец до косяка пришлось дожимать всем телом, гипс упёрся в раму, и в спицах отдалось до локтя. Засов вошёл в скобу с визгом.

Табурет я подтащила к двери ногой и села. Короткая ножка качнулась, я поймала её подошвой. Сижу у собственной двери и слушаю, как её стерегут.

За дверью переступили сапоги. Кто-то подул в кулак. Шаги Рэя ушли по Тупику к колонке, там встали, и два голоса заговорили вполголоса. Дальше он не пошёл.

Гвардеец дневной смены шёл за мной от самой лавки, в трёх шагах. Когда я останавливалась, вставал и он, и приклад стукал о камень.

Часы над аптекой показывали двадцать одну минуту четвёртого. Я открыла свои, со стеклом в трещине: четыре минуты четвёртого. Повестку я прижала к витрине и под прежней строкой, где стояло «+11», вывела левой: «+17». Шесть минут за трое суток. Через месяц аптекарь, наверное, будет отпирать на час раньше и ничего не заметит.

Узел был ниже по улице, у угла. Решётку над камерой вернули на место. От камеры по цоколю поднималась старая труба на кронштейнах, а угол дома держала водосточная, жестяная, в рыжих потёках. К ней я и пошла.

Гвардеец встал у бордюра. Посмотрел на решётку, потом на водосток и на меня. От водостока до решётки было шагов пять. В приказе стояли узлы, а водосток был домовой, жестяной. Гвардеец так и остался у бордюра.

С реки тянуло вдоль всей улицы, и пальцы на жести сразу занемели. Термометр я прижала к трубе под хомутом, проволоку завела за трубу, конец взяла в зубы и обвела трижды. Скрутила. Ртуть стояла внизу.

— Ну, — сказала я ей. — Не спи.

От Центральной площади спустились две машины и встали у бордюра, одна за другой. Из кузова второй попрыгали солдаты корпуса с канатом. Один обмотал конец вокруг фонарного столба, другой понёс канат через тротуар ко мне и завязал на водостоке, над моим термометром, двумя шлагами. Я оказалась внутри.

Из первой машины вышла Лангфорд, в пальто, без шляпы. За ней Хоффман и Сейл с папкой. Илар вышел последним. Шинель с погонами, застёгнута на одну руку, левая под ней.

Ртуть поползла. Я держала на трубе ладонь и не оборачивалась.

Солдат, который вязал канат, вернулся к водостоку. Он раскрутил мою скрутку, не спросив, смотал проволоку, снял термометр с жести и понёс к канату, держа перед собой на вытянутой руке.

— Госпожа Вандерхольт, — сказала Лангфорд. Кивнула на полголовы.

— Госпожа председатель.

Илар стоял рядом с ней, у решётки. Он посмотрел на термометр в руке у солдата, потом на меня.

— Госпожа Вандерхольт, здесь работает комиссия.

— Ваше Высочество.

Термометр я забрала у солдата. Ртуть в стекле уже шла вниз. Под канатом я прошла сама, пригнувшись, и гвардеец попятился, давая мне место на тротуаре.

Сейл стоял у столба, по ту сторону каната. Он переложил папку под другую руку и шагнул к верёвке, так что между нами осталась одна она.

— Позвольте вас поблагодарить, госпожа Вандерхольт, — сказал он вполголоса. — Его Высочество поручился за вас перед Директоратом. Лично. Надеюсь, вы его не подведёте.

Проволока свисала у меня с термометра до колена. Я поймала её конец пальцами, что торчат из гипса.

— Постараюсь, господин Сейл. Меня теперь и до уборной провожают.

Солдат корпуса у каната опустил подбородок в воротник, и щека у него дёрнулась.

— Разумная мера, — сказал Сейл и повернулся к узлу.

Проволоку я намотала на левое запястье, поверх бинта, виток к витку, пока термометр не лёг мне на ладонь. Бинт под проволокой стянуло, и ожог отозвался. Я сунула руку в карман и пошла вверх по Стим-авеню, к Тупику.

Над аптекой часы показывали двадцать шесть минут. Гвардеец шёл сзади в трёх шагах. Узел остался у меня за спиной.

Лампу я поставила на пол у Бернарда, фитилём к культе. Скрутку на брезенте перекусила, брезент отвернула и подвязала бечёвкой к его же корпусу, чтобы не падал на руки. Стояла я на коленях с той стороны, где до ленты на двери дальше всего.

Под брезентом было гнездо манипулятора: литой стакан в корпусе, по краю фланец на шесть болтов. Два болта срезало заподлицо. Из стакана торчали обрывки проводов и медная трубка с расплющенным концом, на конце висела капля.

Штангенциркуль я держала левой, губки заводила в стакан, а рамку двигала большим пальцем правой, тем, что из гипса. Палец шёл с опозданием, и губки проскакивали мимо кромки. Я возвращала. Тридцать восемь и шесть. Мелом на доске, у гусеницы.

В девятом часу в заднюю дверь стукнули, два раза, костяшкой.

Через кухню я пошла с лампой. Засов отодвинула ладонью.

Илар стоял в проулке без кителя, в шинели без погон, застёгнутой на одну руку. Фуражка была у него в правой. От него пахло холодом и сургучом.

— Можно?

Я отступила от порога и пошла назад, в мастерскую. Засов он задвинул сам, я слышала, как железо вошло в скобу.

Я опустилась на колени и взяла штангенциркуль. Илар прошёл за мной до верстака, положил фуражку на столешницу, поперёк трещины, и садиться не стал.

— За что ты поручился?

Губки я завела в отверстие под болт.

Он заговорил по пунктам, голосом, каким докладывают.

— Вчера комиссия записала в протокол рабочую версию. Вмешательство в работу сети со стороны объекта в Тупике. Четыре отказа на карте, все на линиях от Тупика. На двух в журналах корпуса стоит твоя фамилия. Верхний город, десять сорок две. Доки, пятнадцать ноль девять.

Рамка у меня встала. Десять сорок две лежала во внутреннем кармане, на обороте повестки, моей рукой, а поверх неё листок дежурного инженера.

Я довела рамку до упора. Тринадцать и две. Записала.

— Твои тетради Сейл читал вслух при председателе. Страницу про перемычку переписали в дело целиком. «Если снять перемычку — квартал встанет. Значит, её не снимут».

Прочёл он это по памяти, без запинки, моим порядком слов.

— Прогноз, — сказала я гнезду.

— В деле это записано так: частное лицо без допуска знает, какую перемычку вынуть. Пост нужен, чтобы третьей строки в журналах не было. Ни одной, пока идёт проверка.

Мел в пальцах сломался, половина укатилась под гусеницу. Доставать я не стала и писала огрызком.

Зачем Сейлу его подпись, он не сказал. Правая у него прошла по нагрудному карману и легла на край верстака. Спросить можно было и сейчас. Я перевела губки на следующее отверстие.

— Инквизиторский сейф, — сказала я. Рамка пошла. — «Карта, код, Инквизиция — это мой уровень допуска. Не твой». Тринадцать ровно.

Мел, доска.

— Там же: «гражданская», «механик». Медблок: «чтобы к ней никто не зашёл без моего прямого приказа». Лавка, взвод по кругу: «доступ закрыт для всех». — Губки на следующее. — Двенадцать и девять. Этой ночью двое у моей двери. И твоя подпись за меня у Сейла.

Цифры я писала столбиком, одну под другой. Столбик вышел кривой, к низу его повело вправо.

— Две записи в журналах, — сказал Илар. — Одна страница в деле. Одна подпись председателя на полях. Будет третья запись — версию подпишут в заключение.

Лампа у колена потрескивала. Капля с медной трубки упала на брезент и расплылась.

— Так ты жива.

Губки я сомкнула и отложила инструмент к гусенице, мерной линейкой вверх. Встала, держась за его корпус. Медь под ладонью была тёплая.

— Решите за меня ещё раз, Ваше Высочество, — и вы перестанете знать, что я делаю.

Он не ответил. Взял с верстака фуражку и пошёл через мастерскую, к входной. Засов отвёл сам. На пороге надел фуражку. Дотягивать дверь он не стал, и снизу, по доскам, потянуло улицей.

Снаружи стукнули каблуки.

— Ваше Высочество.

Шаги ушли по Тупику. Холод дошёл по полу до лампы, и огонёк лёг набок.

Я опустилась на колени, взяла штангенциркуль и завела губки в следующее отверстие.

К пяти утра лампа выгорела до донышка. Входную я так и не поднимала, и доски от порога до верстака выстыли, под коленом как каменные. Мои цифры стояли у гусеницы двумя столбиками, последние я писала уже при синем огне.

Нож я взяла с верстака, тряпку из ящика. С полки сняла жестянку из-под леденцов, высыпала винты в ящик к тряпкам и сунула её в карман куртки.

Задняя дверь выходила в проулок, и там никого не было. Из-за угла, от входа, доносилось, как гвардеец бьёт сапогом о сапог. Дверь я притянула за собой до щелчка.

Проулком, за дворами, я вышла на Стим-авеню выше аптеки. Над крышами было ещё черно.

У столба, где вчера вязали канат, висел фонарь, под ним стоял часовой корпуса, спиной к ветру, и курил в рукав. Я прошла по теневой стороне, вдоль стен, и у угла присела на корточки.

Сначала ударило в нос. Гнилой медью, сладко, до рези в глазах. Тряпку я сложила вдвое, прижала к лицу и завязала концы на затылке.

Начала я с цоколя соседнего дома. Старая плёнка шла по камню до колена, серая от пыли, матовая. Нож я повела снизу вверх. Плёнка треснула и посыпалась мне на сапог крошкой, сухой, как сажа из печной трубы. Я провела по лезвию пальцем. Палец остался чистым. Впрочем, она и в день эшелона крошилась у меня под ногтем так же.

Потом решётка.

Прутья были чёрные сплошь. Над решёткой, по трубе на кронштейнах, оно поднималось кольцами, тесно, одно над другим, как витки проволоки на катушке. Я приставила нож к нижнему кольцу и нажала. Лезвие вошло без скрипа. Чёрное тянулось за сталью, как дёготь, и на ноже осталась плёнка, жирная, с радужным краем.

Я привстала и приложила колено к трубе. Верхнее кольцо лежало на ладонь выше.

Часовой повернулся лицом к улице. Я опустилась обратно.

Левую ладонь я положила на мостовую у решётки. Камень был холодный и мокрый. Под ним гудело на одной ноте, как гудит новое железо под нагрузкой. Потом снизу толкнуло, раз, в ладонь, и опять пошёл тот же гул.

Я держала ладонь. Толкнуло второй раз. Третий.

На четвёртом над верхним кольцом по трубе выступило новое. Тонкое, мокрое, в волос. Блеснуло по всему обхвату разом и осталось.

Тряпку я стянула с лица и вытерла о неё нож. Тряпка взяла чёрное насквозь. Я свернула её чёрным внутрь, достала жестянку, затолкала тряпку туда и надавила на крышку ладонью. Крышка села со щелчком. На гипсе, там, где я держала жестянку, остался мазок. Я потёрла его рукавом, и мазок пошёл шире.

— Эй! — крикнул часовой с середины улицы. — У решётки! Стоять!

Жестянку я сунула в карман и поднялась.

Под фонарём на прутьях решётки стояли чёрные капли, жирные, и не стекали.

Глава 12. Чёрный конденсат

Старший поста пришёл в Управление в начале девятого, с рапортом на полстраницы. Лист он положил на стол строками ко мне и прижал угол пальцем, пока я не взял.

— Ваше Высочество. Гражданская Вандерхольт в седьмом часу вышла из-за угла со Стим-авеню и свернула в проулок, к задней двери. Как выходила, пост не видел.

— Куда ходила?

— Неизвестно.

Задняя дверь выходит в проулок, за дворы. Двое у входа держат фасад и окно, проулка им не видно. Это я знал, когда писал приказ, и в приказ не вписал.

— Второго поставить в проулок, к задней. Смену усилить на одного.

— Есть.

Я расписался на поле. Старший поста убрал рапорт в папку поста, клеёнчатую. Папку завели вчера. Листов в ней было уже четыре, и все про одного человека.

Он козырнул и вышел.

В начале второго курьер комиссии принёс записку на бланке, пять строк фиолетовыми чернилами. Часовой корпуса на Стим-авеню доложил: на решётке и на трубе у нового узла чёрный налёт. Затемно спугнул у решётки неизвестного, не догнал, примет не разглядел. Председатель выезжает. Оцепление прошу от гарнизона. Подпись Лангфорд, её рукой.

Строку про неизвестного я прочёл ещё раз. Записку я сложил вчетверо и убрал в нагрудный карман.

Взвод я вывел сам. Канат натянули, как в прошлый раз, от фонарного столба до водостока на углу.

Лангфорд приехала в два, одна. Шофёр остался за рулём. Она вышла в пальто, в перчатках, с плоским деревянным ящиком под мышкой и прошла под канатом, не дожидаясь, пока солдат его поднимет.

У решётки она постелила на мостовую платок и встала на него коленом. Ящик открыла на весу. В пазах стояли предметные стёкла, торцами вверх, штук тридцать. В крышке лежали скребок с костяной ручкой и моток бумажных бирок на нитке.

— Подержите, Ваше Высочество.

Ящик я взял на левую ладонь, у бандажа. Если не поднимать, левая держит.

Прутья решётки были чёрные сплошь. Выше, по трубе, чёрное поднималось кольцами. Пахло медью, как от горсти старых монет, и поверх меди приторным. Я повернул лицо к ветру.

Лангфорд протянула руку назад. Я вынул стекло за торцы и вложил ей в пальцы. Скребок она повела по нижнему кольцу снизу вверх. Чёрное пошло за лезвием, тягучее, и легло на стекло полосой. Она оторвала от мотка бирку, обмотала нитку вокруг стекла и написала карандашом: место, кольцо, час. Буквы у неё стояли прямо, одна к одной, как на чертеже.

— Следующее.

Я подал.

— Госпожа председатель. Версию о вмешательстве из Тупика вы подпишете в заключение?

Скребок дошёл до середины второго кольца и встал.

— Почему командующий спрашивает об этом у решётки? Заседание каждый день с утра.

— На заседании за вас отвечает протокол.

— Здесь я отвечу вам тем, что готова повторить в протоколе. — Она подняла стекло к свету, повернула и опустила. — Вы сидите за столом комиссии, Ваше Высочество. И в этом деле у вас свой интерес. Выводов я вам не скажу.

Она сменила стекло. Нитка, бирка, три слова карандашом. Я подал четвёртое. Пятое. Снизу, из камеры, сквозь прутья шёл низкий гул, без перебоев, и платок под её коленом потемнел от мокрого камня.

Шестое она держала дольше других. Скребок лежал у неё на ладони, лезвием к себе.

— Скажу то, что скажу и под протокол. В саботаж я не верю. Саботажник не ведёт тетради, по которой его можно повесить. — Она намотала нитку в два оборота. — А оператор без допуска на стратегическом узле опасен всё равно. Умысел тут ни при чём.

Манометр был виден сквозь решётку, внизу, на корпусе клапана: белая шкала, чёрная стрелка. Стрелка стояла на двухстах. Пока Лангфорд брала стёкла, я смотрел на неё раз десять.

Над верхним кольцом по трубе проступило новое, тонкое, в нитку, и заблестело разом по всему обхвату.

— Манометр в норме, — сказал я. — Я смотрю на него с двух часов. Налёт растёт кольцами. Одно прибавилось сейчас, над верхним. Стрелка при этом стояла.

Лангфорд подняла голову к трубе и смотрела, пока не нашла. Потом оторвала чистую бирку и написала на ней, мельче, в две строки. Я прочёл вверх ногами: «Манометр 200, норма. Налёт нарастает кольцами, одно за время отбора. Набл. командующего».

— Утром здесь кто-нибудь смотрит?

— Обход корпуса в семь, на пересменке. Я буду к восьми.

Она расписалась под строкой и привязала бирку к шестому стеклу вторым узлом. Поднялась. Платок подобрала за угол и сунула в карман. Ящик сняла у меня с ладони и закрыла крышку на крючок.

— Благодарю, Ваше Высочество.

Под канатом она прошла сама и пошла к машине.

Я остался у решётки. Стрелка стояла на двухстах ровно.

В семь утра стрелка стояла там же.

Решётку для обхода подняли двое монтажников, ломами, и оттащили на тротуар. Из камеры пошёл тёплый пар, лениво, и растёкся над мостовой. Ночная смена корпуса сдавала узел дневной у самого люка: ночной бригадир читал из журнала, дневной слушал. Дневного я знал. Восемь суток назад на этом месте он записал в журнал монтажа, что командующий вмешался в приёмку снятого.

Он спустился на две ступени к манометру.

— Двести.

Записал.

Канат висел с вечера, взвод стоял вдоль него через три шага. За канатом собирались люди. Утренняя смена шла вниз, к Литейной, и у каната задерживалась поглядеть на пар.

Под решёткой стукнуло.

Раз, потом, через вдох, второй. Потом стук пошёл часто, железом о железо, как молотком по пустой бочке. Бригадир нагнулся к шкале. Стрелка ушла за двести. Он записал в журнал цифру и вслух её не сказал.

На машине корпуса у поворота солдат закрутил ручку сирены. Звук пошёл снизу, поднялся и встал над улицей.

— Фланец потёк! — крикнули из люка.

Из-под нижнего фланца клапана било белой струйкой, тонко, с шипением. Бригадир отлистал журнал к вклеенной таблице и провёл по ней ногтем.

— Подтянуть по таблице. Крест-накрест.

Монтажник из дневных, молодой, спустился с ключом на три ступени и завёл ключ на болт. Ключ пошёл. Прокладку выдавило. Струя ударила вбок, во весь рост, и монтажника вынесло спиной на ступени. Ключ звякнул внизу, в камере. Монтажник выполз на локтях на край люка, прижимая рукав к лицу, и закричал.

Люк заволокло белым. Под канат я нырнул с правого плеча. Облако било в лицо мокрым и горячим. Монтажника я нашёл на ощупь, за ворот ватника, и потащил правой. Он был тяжёлый и отталкивался ногами не туда. На третьем шаге под рёбрами упёрлось. Я тянул дальше, на коротком вдохе, по мокрому камню, пока облако не осталось за спиной.

Положил его на мостовую, на бок. Щека у него была красная и мокрая, левая кисть тоже, на костяшках кожа пошла пузырями. Он хрипел, но дышал.

Пахло варёным. В насосной под Магистратом пахло так же. Я вытер лицо рукавом шинели.

— Канат на десять шагов назад! Людей за канат!

Солдаты сняли верёвку со столба и понесли. Толпа попятилась, кто-то уронил картуз, и его затоптали.

Бригадир стоял у люка, мокрый до пояса, журнал под курткой.

— Отсечку! — крикнул ему кто-то из монтажников.

— Отсечка по чертежу в камере, за клапаном. — Он показал рукой в пар. — Туда не подойти.

— Верхняя, — сказал я. — Которую крутили при монтаже.

— Верхнюю вторым номером, Ваше Высочество. Первой камерную. Порядок в чертеже. Без чертежа трогать не имею права.

— Где чертёж?

— В машине. В папке.

Посыльный уже бежал к повороту. Монтажник с фонарём лёг животом на край люка и светил вниз, на шкалу.

— Идёт! Дальше идёт!

Струя из люка стала толще и загудела ниже. Посыльный добежал до машины и полез в кабину по пояс.

Выше по улице, у самой верёвки, из толпы пригнулась и прошла под канат женщина. Правая рука на перевязи, белая от гипса. Гвардеец поста выскочил следом, из той же толпы, и поймал её за рукав.

— Отставить!

Гвардеец разжал пальцы и так и остался у верёвки, с раскрытой ладонью на уровне груди.

Она не обернулась. У кузова корпусной машины валялись обрезки после монтажа, она нагнулась на ходу и подхватила один, трубу в локоть длиной. Дальше пошла вверх вдоль цоколя, мимо кронштейнов, и вела левой над старой трубой, не касаясь, на палец выше железа.

Встала она шагах в двадцати выше узла.

Это место я знал. Обрубок, срез гладкий, от трубореза. Под ним старый сливной кран с барашком, рыжий. На выход крана навёрнут колпак корпуса, криво, на два витка. Отвод с грузиком отсюда при мне ушёл в ящик, и проволоку на бирке к нему я крутил зубами.

Под краном, в мостовой у самого цоколя, лежала решётка ливнёвки.

Бригадир сорвался с места.

— Посторонняя на сети! Это отстранённая!

Он пробежал мимо меня. Я поймал его правой за плечо, на полушаге.

— Старшина.

Он встал. Плечо под ладонью ходило, как у лошади под седлом, и я руку не снимал.

Аделин надела обрезок на крыло барашка и легла на него левым плечом, всем весом, упёрлась сапогами в мостовую. Бинт на левом запястье съехал ей на ладонь. Обрезок прогнулся. Кран не пошёл.

Она перехватила обрезок ниже, у самого конца, и замерла. Голову наклонила к трубе, ухом почти к металлу.

Чего она ждёт, я не знал. Внизу, у люка, стучало часто и вразнобой, и струя ревела.

Раз. Два.

Бригадир под моей рукой перестал дёргаться. Он смотрел на неё тоже.

Три.

Она рванулась всем телом вниз.

Кран провернулся. Колпак сорвало с резьбы, он ударил в камень и, звеня, покатился по мостовой. Пар пошёл вниз, в ливнёвку, с рёвом, и решётка ливнёвки загудела у неё под сапогами. Край струи прошёл по перевязи. Бинт на гипсе потемнел, и от него пошёл дымок. Она прижала правую к боку. Обрезок из левой не выпустила.

Монтажник с фонарём у люка закричал:

— Падает! Двести! Встала!

Сирена у поворота сошла на низкий вой и смолкла. Солдат снял руку с ручки. Стук под мостовой оборвался, и стало слышно, как в ливнёвке шипит и булькает.

Плечо бригадира я отпустил. Он поправил куртку и пошёл к люку, не оглядываясь.

С папкой вернулся посыльный, бегом, и с ним вестовой корпуса с запиской. Бригадир прочёл записку у люка.

— Приказ инженер-полковника. Закрыть по чертежу. Клапан снять на осмотр.

Он развернул чертёж на крыле машины и прижал углы кулаками. Камерную закрыли двое, спустившись по колено в пар. Верхнюю провернули в три приёма. Кран на обрубке выдохнул последним и затих. Вчетвером, на верёвках, они вынули клапан из камеры и положили на мостовую у люка. Белая пломба поверки на корпусе была мокрая.

Аделин отпустила обрезок и подула на левую ладонь. Обрезок лёг поперёк решётки ливнёвки. Она дошла до бордюра и села. Левой взяла правую за запястье, у края гипса, и держала.

Две машины пришли к восьми, одна за другой, и встали у каната. Из первой вышла Лангфорд, из второй Сейл, с папкой.

Монтажника уже клали на носилки. Фельдшер гарнизона намазал ему щёку белым из банки и забинтовал кисть до локтя. Двое солдат понесли носилки к подводе, и монтажник поднял здоровую руку к лицу, а ф

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.